

ЭХО ГОВОРИТ
ПЕРВЫМ

Антон Абрамов

18+

Антон Абрамов

Эхо говорит первым

<https://litres.ru/74310244>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Лиоре последняя минута погибшего становится доказательством. Слушательницы пропускают Эхо через собственное тело, суд выносит приговоры, а мертвый голос считается надежнее любого живого. Нора Вей верит в этот порядок: она слышала сотни смертей и привыкла отличать правду от страха. Но во время процесса на ее горле появляется Эхо будущей смерти женщины, которая сидит в зале. Жертва еще жива. По записи ее убьет сама Нора... через семь дней, ножом под пятое ребро.

Чтобы остановить эту смерть, Норе придется усомниться во всем, что держало город...в суде, в памяти и в собственных приговорах. Чем больше она открывает, тем яснее становится, что дело не в ее будущем преступлении, а в том, кто решает, какое знание и когда доходит до людей.

И если Эхо говорит первым, живым остается только научиться отвечать.

Содержание

Часть I. Первый голос	4
Глава 1. Безупречное дело	4
Глава 2. Она ещё жива	25
Глава 3. Будущая виновная	46
Глава 4. Женщина в третьем ряду	71
Глава 5. Последняя дверь	100
Глава 6. Семнадцать секунд	126
Глава 7. Сердце колоколов	153
Конец ознакомительного фрагмента.	167

Эхо говорит первым

Часть I. Первый голос

Глава 1. Безупречное дело

Корин Таль улыбнулся за три минуты до назначенного оглашения приговора.

Я заметила это раньше публики: угол его рта поднялся, сухая кожа на щеке собралась в две складки, ладонь крепче легла на чёрную решётку, а плечи освободились от прежнего напряжения. Человек, ожидающий смерти, распоряжался последними доступными средствами и выбрал насмешку. Такой выбор многое говорил о Корине. Он умел производить впечатление даже там, где впечатление уже теряло практический смысл.

Вчерашняя запись оставалась в моём правом плече. Оно поднималось на долю позже левого, и каждый глубокий вдох тянул мышцу под лопаткой, где погибший мальчик удерживал собственный вес на краю лестницы. Вара называла это остаточным рефлексом. Я предпочитала слово «следствие»: рефлекс звучал болезнью, следствие — ценой работы.

Над судейской галереей двигался большой маятник. Латунная линза входила в полосу верхнего света, и белая от-

метина пересекала каменный круг под моими ногами. Механизм задавал залу дыхание. Люди на галереях ждали каждого движения, хотя едва ли замечали эту зависимость: вдох во время подъёма, задержка в верхней точке, длинный выдох при обратном ходе и короткий отдых перед новым подъёмом.

Я считала вместе с ним.

Два движения до печати. Семь дней до Дня Согласия, когда шнуры от районных башен протянут к Венцу, дети получают серебряные язычки для праздничных колокольчиков, а Арден напомним городу, сколько крови стоил единый голос.

— Вы довольны собой, госпожа Вей?

Корин обращался ко мне, хотя председатель коллегии уже дважды запрещал прямые реплики. Его взгляд остановился выше моего лица, на семи серебряных застёжках высокого воротника. Каждая застёжка обозначала уровень допуска и лежала на коже с привычным весом. Третью Сера утром ослабила на толщину ногтя. Теперь металл нагрелся от горла и держал форму без давления.

Председатель ударил печатью по краю стола.

— Обвиняемый обращается к Суду через защитника.

Защитник Корина закрыл ладонью последнюю страницу записей. На среднем пальце осталась тёмная полоса от графита; он размазывал её по бумаге весь процесс, особенно в минуты, когда понимал слабость очередного довода. Человек способный, упрямый и слишком влюблённый в отдель-

ные несоответствия. Он собирал их бережно, как обломки разбитой чаши, и каждый раз забывал, что перед ним стоит целый сосуд доказательств.

Я перевела взгляд на Корина.

— Удовольствие мешает точности.

Его улыбка углубилась.

— Точность вам нравится.

— Она сохраняет людям жизнь.

— Пелу Орсе сохранила?

За моей спиной сдвинулись зрители. Я почувствовала движение зала диафрагмой: сотни людей одновременно втянули воздух, и давление в акустической чаше изменилось. Главный зал строили для голоса Слушателя. Здесь даже шёпот из центрального круга достигал верхней галереи, речь судей рассыпалась за тёмной решёткой и сходила сверху без видимого источника. Человек внизу видел каждого, кто пришёл наблюдать его гибель, и различал тех, кто определял приговор, по силуэтам рук.

Я любила расчёт этого зала и его холодную честность. Каждого свидетеля он оставлял на виду вместе с дрожью, которую человек хотел спрятать. В центре приходилось владеть телом: держать плечи, распределять воздух, выбирать слова и выдерживать направленные на тебя взгляды. Архитектура отнимала возможность уклониться от общей видимости, и я считала это справедливым, поскольку сама выходила сюда с открытым горлом и принимала в себя последние минуты

погибших.

Корин владел телом слишком хорошо для невинного человека. Все четыре дня он сохранял ритм дыхания, даже когда вдова Пела слушала его показания в первом ряду. Он спорил с часами и схемами, держась за технические детали с настойчивостью мастера, который надеется разобрать собственную вину на части и спрятать её между зубцами механизма.

На его правом запястье лежал серебряный рубец Пела Орсы. Линия начиналась у основания большого пальца и уходила под манжету, следуя сухожилию, которое двигалось при каждом сжатии руки. Судебные толкователи назвали рисунок знаком удержанного ключа. Листки на Часовом мосту сократили формулировку до одной строки: «Ключ находился в руке убийцы».

Утром я видела, как торговец раскладывал эти листки рядом с сахарными колоколами. На гравюре Корин стоял перед дверью, а за его спиной поднималось пламя. Пел погиб от очистительного состава и нехватки воздуха; бесцветная смерть выглядела слишком скромно для продажи. Художник добавил огонь, публике требовался зримый злодей, и Корин получил чёрный силуэт на белой бумаге ещё до окончания процесса.

Судебный катер доставил меня к восточным воротам Венца на рассвете. Туман закрыл сваи и нижние ступени, поэтому светлый дворец казался поднятым над пустым пространством.

ством лагуны. Служители натягивали первый праздничный шнур от башни к западной аркаде. Двое тянули белое волокно с тяжёлого барабана; старший следил за чистотой линии. Через неделю весь Лиор окажется связан такими линиями, хотя настоящие районные канаты годами лежали запечатанными под камнем.

Этот образ задержался у меня на несколько вдохов. Я сочла его красивым и вошла внутрь.

В Комнате голоса Вара подняла зеркало к моему рту.

— Длинный вдох.

Я наполнила нижнюю часть лёгких и выпустила воздух в медную чашу после короткой задержки. Звук лёг спокойно, без хрипа. Правое плечо отозвалось движением погибшего мальчика, голос остался моим.

Вара провела пальцем вдоль мышцы под челюстью и проверила пульс на шее, затем открыла журнал и задержалась на строке с временной отметкой следа Пела. Её рука остановилась. Я видела такие паузы у свидетелей: тело уже отреагировало, а разум подбирал приемлемую формулировку.

— Что там?

Она закрыла журнал.

— Разные часы дали разные минуты.

— Коллегия приняла погрешность.

— Коллегия принимает вывод. Моё дело — тело.

— Тело Пела умерло в семь тринадцать.

— По медицинскому хронометру.

— След появился раньше.

Вара подняла зеркало к свету и протёрла край.

— Одиннадцать минут.

Продолжение осталось при ней. Вара вернула зеркало в футляр.

Сера стояла за мной, застёгивая форму. Она ослабила третью петлю и поправила светлую подкладку, разгладив складку на плече. Её руки знали мою одежду с ученических лет; иногда я замечала сбившуюся застёжку по её взгляду раньше, чем чувствовала давление металла.

— Временная отметка уже рассмотрена, — напомнила она. — Защитник попробует поднять её ещё раз.

— Он любит мёртвые ходы.

— Корин тоже.

Арден вошёл без сопровождения, держа публичную копию Эха Пела в узкой раме. Его светлое пальто приносило в белую комнату тепло, хотя ткань давно остыла после улицы. Первый судья Лиора мог позволить себе тяжёлую цепь и золотой воротник; он носил старую шерсть цвета слоновой кости и одну небольшую застёжку у горла. Люди склоняли головы раньше, чем успевали рассмотреть её.

Он проверил пломбу на раме, взглянул на Вару, коснулся большим пальцем края моего воротника.

— Третья свободнее остальных.

— Так удобнее брать нижний вдох.

— Оставь.

Арден помнил устройство моего дыхания лучше многих врачей. После первого учебного Эха он сидел у кровати всю ночь и заставлял меня называть своё имя каждый раз, когда я просыпалась голосом умершей женщины. Его присутствие казалось естественной частью восстановления. Остальные ученики проходили его со служителем лечебницы; мне достался Первый судья.

— Сегодня город услышит завершённое дело, — произнёс он.

Слово «завершённое» приносило мне гордость. Дело Пела Орсы прошло через семь подписей, медицинское заключение, журнал допуска и показания рабочих. Любой человек мог ошибиться. Перекрёстная проверка должна была поглотить ошибку одного участника и произвол другого, оставив перед Судом устойчивый порядок событий.

В этом и состояла безупречность.

— Я готова.

Арден посмотрел на папку, открытую перед Серой.

— Западная дверь снова появилась в ходатайстве?

— Защитник приложил план девятилетней давности, — ответила она. — На действующей схеме дверь отсутствует.

Я провела пальцем по белому прямоугольнику стены. Старый план показывал узкий выход и ручной привод. Новый — сплошную кладку.

— Корин утверждает, что механизм сохранили.

— Мастер способен считать механизм живым, пока пом-

нит его движение.

Арден перевёл взгляд на Вару.

— Одиннадцать минут.

Она поставила журнал в шкаф.

— Я указала разницу в заключении.

— Коллегия получила?

— Да.

— Значит, услышала.

Для меня этого хватило. Решение принималось открыто, документ существовал, защита получила доступ. Вара могла считать разницу значимой; трое специалистов объяснили её рассинхронизацией устройств. Закон требовал выбрать вывод, поддержанный общим составом доказательств. Я ставила телесное беспокойство одного врача ниже согласованной цепи.

Теперь Вара сидела справа от коллегии и держала медицинский журнал на коленях. Арден наблюдал из боковой галереи. Сера занимала место у писцов. Йорен Марр стоял возле углубления Корина, сняв правую перчатку: судебные печати требовали прямого контакта с кожей.

Вдова Пела сидела в первом ряду. Серебряная траурная нить проходила по высокому воротнику её платья и заканчивалась маленькой петлёй у подбородка. Она касалась этой петли каждый раз, когда звучало имя мужа. Жест выглядел сдержанным, выученным за месяцы слушаний. Мне нравилось её достоинство. Она приходила на каждое заседание,

спокойно принимала медицинские подробности и оставляла срок казни на усмотрение коллегии.

Слева находилась семья Корина. Его жена держала руки под столом, скрывая их от зала. Дочь смотрела прямо на меня. В её лице я читала обвинение, привычное для родственников: человек в центральном круге всегда казался им автором смерти, хотя мой голос лишь проводил уже существующее свидетельство.

Защитник поднялся.

— Суд разрешит повторный вопрос о начале записи?

Председатель сдвинул печать ближе к краю стола.

— Вопрос рассмотрен.

— Защита просит воспроизвести первый узел дыхания оригинальной последовательности.

— Публичная копия начинается с первого допустимого узла.

— Кто определил допустимость?

На верхней галерее зашуршали листки. Председатель выдержал паузу, рассчитанную на восстановление порядка.

— Защитник получит взыскание.

Он посмотрел на красную дугу графита на пальце.

— Взыскание оставит меня в живых.

Корин коротко рассмеялся, и смех сразу сбился на кашель. Только тогда его тело выдало усталость. Я отметила сухую гортань и слишком высокий первый вдох. Страх находился там всё время, скрытый привычкой говорить громко.

Защитник повернулся ко мне.

— Госпожа Вей, вы работали с оригиналом Эха Пела Орсы?

— Я работала с публичной копией второй степени.

— Оригинал находился у вас в руках?

— Доступ к верхнему архиву регулирует хранитель.

— Ответ означает отсутствие личного осмотра.

— Ответ означает установленную цепь хранения.

— Вы подтверждаете подлинность всего Эха?

— Я подтверждаю предъявленный фрагмент.

Корин перестал кашлять.

Слово «фрагмент» осталось в зале. Я почувствовала его воздействие по дыханию публики и разозлилась на защитника. Он взял обычное свойство записи, понятное каждому специалисту, и превратил его в подозрение. Любое Эхо предъявлялось фрагментом: человек умирал дольше, чем длился юридически значимый опыт, тело производило множество бессвязных ощущений, Суд выбирал последовательность, относящуюся к событию. Иначе процесс превращался бы в мучительное повторение всей агонии.

— Подлинность проверили два хранителя и реставратор,
— добавила я. — Акустический шов совпадает с первичной записью.

— Удалённые семнадцать секунд входят в совпадающий шов?

Председатель ударил печатью.

— Защита получила заключение о повреждённом участке.

— Повреждение возникло до записи или после?

— Вопрос снят.

Защитник опустил руки на стол. Его гортань напряглась раньше следующей реплики; он дошёл до последнего хода и знал это.

— Прошу контрольное воспроизведение.

Назначенный час оглашения прошёл, пока коллегия совещалась. Писец передвинул красную закладку в книге приговоров, Йорен снял ладонь с ремня печатей. Улыбка Корины получила дополнительное время, купленное его защитником.

Я ждала в центре, распределяя воздух. Вчерашний остаток под правой лопаткой ослабал, когда я опускала плечо и переносила вес на левую ногу. Перед новым Эхо тело требовалось привести к нейтральному состоянию. Любая моя боль могла смешаться с болью погибшего, любая мысль — потянуть внимание за собой. В лечебнице нас учили оставлять себя у входа и возвращаться по имени.

Я назвала про себя имя и возраст, место и источник боли: Нора Вей, тридцать четыре года; Главный зал Суда; правое плечо принадлежит вчерашней записи; горло свободно.

Председатель дал разрешение.

Служитель поднёс раму. Чёрное стекло отражало зал узкой тёмной полосой, серебряные прожилки внутри остава-

лись тусклыми. Я сняла перчатки. Воздух коснулся ладоней, и кожа отреагировала лёгким холодом; мелкая вещь, полезная для возвращения в собственное тело.

Серебряный ключ лёг между большим и указательным пальцами.

— Первый допустимый узел, — распорядился председатель.

Защитник открыл рот. Печать уже опустилась.

Я приложила ключ к краю рамы.

Сперва стекло забрало мой выдох. Пустота возникла под рёбрами, диафрагма удержала положение, хотя воздух вышел. Затем внутрь вошло дыхание Пела Орсы — частое, поверхностное, сорванное химическим ожогом.

Моё тело приняло его вес.

Камень давил в левое колено. Правая рука держала обломок рычага, ладонь скользила по гладкой рукояти. Свет шёл снизу, белый и беспламенный, поднимаясь вдоль стены. За дымчатой пластиной западной двери стоял Корин. Пел видел плечо, линию лица, кисть возле замка и край тёмного воротника. Он узнал мастера раньше, чем сумел втянуть достаточно воздуха для имени.

Моя гортань сократилась под его голос.

— Корин.

В настоящем Корин закрыл глаза.

Пел ударил обломком рычага по двери. От движения боль прошла от локтя к груди; моё правое плечо приняло её и

смешало со вчерашним остатком, однако я удержала границу. Один мальчик падал с лестницы. Пел пытался подняться у западной двери. Две смерти существовали рядом и сохраняли отдельный вес.

Он позвал снова.

Голос ушёл в переговорную трубу и вернулся слабее. За стеклом Корин повернул голову. Пел видел его профиль и ладонь возле механизма.

Дыхание оборвалось, и между вдохами возникла пустота.

Фоновый привод исчез. Вес тела переместился к двери. Правая ладонь оказалась выше. Семнадцать секунд отсутствовали в копии, и моё тело встретило разрыв резким сокращением мышц, как встречает пропущенную ступень.

Я знала эту пустоту. Слышала её на первом воспроизведении и сочла потерей сознания.

Запись продолжилась, когда Пел уже находился у самой двери. Свет поднялся до его груди. Корин стоял снаружи, повернув лицо в сторону переговорной трубы.

— Он знает, что я здесь.

Уверенность Пела вошла в меня вместе с фразой. Умиравший человек видел мастера у замка, слышал движение за стеной и собирал из этих фактов единственный вывод. Внутри его тела вывод обладал такой же плотностью, как боль в лёгких.

— Ключ у него.

Вдова Пела сжала серебряную петлю у подбородка.

Краем собственного зрения я уловила её движение, хотя глазами погибшего смотрела на Корина. Слушатель всегда оставался в двух местах: одна часть принимала запись и удерживала тело погибшего, вторая следила за залом, дыханием, именем и временем. Ошибка одной части отдавала другой всё тело.

— Он смотрит.

Корин в настоящем открыл глаза.

Через Пела я видела, как его лицо за стеклом меняется. Он услышал имя. В этом Пел был уверен. Обратный сигнал остался за пределами записи.

Белый свет поднялся выше. Пальцы Пела потеряли силу.

— Он оставляет дверь закрытой.

Последняя фраза вышла тише. В ней жило изумление человека, который до конца верил, что спасение находится по другую сторону стекла.

Запись отпустила меня.

Воздух вернулся резко и глубоко. Я удержала первый собственный вдох на две доли, сохраняя голос Пела внутри завершенного фрагмента. Каменный круг снова лёг под подошвы, зал обрёл высоту, маятник прошёл верхнюю точку.

Правое плечо болело сильнее. К вчерашней тяжести добавился рывок Пела у двери.

Я отняла ключ от рамы.

— Контроль завершён.

Мой голос звучал ниже обычного. Вара отметила это в

журнале.

Защитник поднял схему западной камеры.

— Между именем Корина и фразой «он знает» существует разрыв?

— Семнадцать секунд.

— За этот промежуток Пел мог получить новую информацию?

— Запись этого участка отсутствует.

— Мог слышать сообщение, предназначенное Корину?

— Такая возможность существует.

Председатель подался вперёд за решёткой. Я знала, что он ждёт второй части ответа.

— Материальное подтверждение этой версии в деле отсутствует, — закончила я.

Защитник прикрыл глаза.

— Пел переместился во время разрыва?

— Да.

— Изменился звук привода?

— Исчез.

— Изменилось положение Корина?

— Он повернул голову к трубе.

— Значит, за семнадцать секунд произошло событие, которого Суд сегодня не услышал.

— Произошёл отсутствующий участок записи.

— И вы готовы признать дело завершённым?

Вопрос вошёл глубже, чем позволяла его юридическая

форма. Я почувствовала раздражение в основании языка, где тело готовит резкий ответ раньше слов.

Он хотел, чтобы я поставила собственное ощущение выше проверки специалистов, выстроила защиту из пробела и объявила отсутствие фрагмента доказательством невиновности. Такой подход разрушил бы любой процесс. Оборванная запись допускала множество возможностей; Суд существовал ради выбора той, которую поддерживали доступные факты.

— Завершённым дело делает совокупность доказательств.

— Копий и выводов.

— Подписей людей, отвечающих за свою часть.

— Каждый видел свою часть.

Я посмотрела на него.

— Целого не видит никто.

Фраза была очевидной. Общество распределяло знание ради защиты от ошибки и произвола. Власть изменить всё доказательство оставалась разделённой между людьми.

Защитник медленно опустил схему.

— Тогда кто решил, что услышанного достаточно?

Председатель прервал его.

Корин снова взялся за решётку. Большой палец лёг поверх серебряного рубца.

— Спросите её о времени следа.

Йорен шагнул ближе.

— Медицинская отметка рассмотрена.

— Пел умер в семь тринадцать. След появился в семь две.

Вара подняла голову.

— Вы стояли у западной камеры, — произнёс Йорен. — Пел видел вас. Ваша печать имела доступ.

— Моё право закрыли раньше его смерти.

— Журнал показывает действующий ключ.

— Журнал показывает запись в шкафу. Дверь стояла передо мной.

Корин перевёл взгляд на меня.

— Вы чувствуете уверенность человека внутри Эха?

Я всё ещё ощущала уверенность Пела под рёбрами.

— Да.

— Чувствуете, откуда она взялась?

— Из его восприятия.

— Его уверенность могла быть ошибочной.

— Любой человек способен ошибиться в последнюю минуту.

По галереям прошёл шум. Эта фраза звучала опасно для публики, привыкшей к формуле о правдивости мёртвых. Председатель потребовал порядка.

Корин приблизил лицо к решётке.

— Он видел меня. Знал, что у меня был ключ. Кто-то сообщил мне, что камера пуста. Эти вещи помещаются в одном голосе, госпожа Вей?

— При наличии полного фрагмента.

— А у вас его нет.

— У Суда есть оригинал.

— Вы его не слышали.

Слово ударило в место, где дыхание Пела ещё удерживало форму моей грудной клетки.

Я могла потребовать оригинал. Такая просьба остановила бы приговор, вернула дело в верхний архив и заставила коллегия объяснять семнадцать секунд. Основание существовало: контрольное воспроизведение подтвердило перемещение и исчезновение фонового механизма.

Однако передо мной оставалась вся цепь.

Вара указала временную разницу. Трое специалистов объяснили её рассинхронизацией. Два хранителя подтвердили шов. Реставратор назвал участок повреждённым. Корин стоял у двери. Его доступ сохранялся в журнале. Пел звал его, видел, ждал открытия и умер за стеклом.

Один пробел против целого дела.

Я гордилась умением завершать спор там, где другие прятались в сомнении. Арден доверял мне самые тяжёлые процессы именно за эту способность. Семьи жертв ждали моего голоса, поскольку я выдерживала решение до конца.

— Предъявленный состав достаточен, — ответила я.

Корин отпустил решётку.

Улыбка вернулась, слабее прежней.

— Вот теперь вы довольны собой.

Председатель потребовал тишины и протянул руку к большой судебной печати. Писцы приготовили красные чернила. Репортёр в первом ряду открыл заранее оставленное

место на листе. За аркадами торговец ударил сахарным ко-
локолом о поднос, проверяя хрупкость.

В третьем ряду сидела женщина в сером платье.

До этого я замечала её отдельными деталями: траурный
колокольчик без языка, красную нить на внутренней стороне
рукава, короткие ногти с тёмными следами печатной краски.
Теперь она прижала ладонь к левому боку.

Её внимание принадлежало мне.

Я подняла текст приговора.

Горло ещё хранило шероховатость голоса Пела. Я дала
телу один полный цикл: четыре доли внутрь, две удержать,
шесть выпустить. Плечо приняло вес, диафрагма опусти-
лась, голос занял привычное место.

— Суд Эха установил подлинность предъявленного голо-
са Пела Орсы, связь носителя следа с закрытой западной
камерой, сознательное удержание спасительного доступа и
причинную связь с гибелью судьи.

Защитник Корина закрыл папку.

Вдова Пела подняла лицо.

Дочь Корина сжала губы и продолжала смотреть на меня.

— На основании медицинского заключения, журнала до-
пуска, показаний служащих и полного состава представлен-
ных материалов коллегия признаёт Корина Таля виновным
в убийстве посредством закрытия спасительного пути.

Корин произнёс моё имя без титула.

— Нора.

Я продолжила формулу.

— Приговор вступает в силу после наложения центральной печати. Доступ обвиняемого к городским механизмам прекращается с момента...

Маятник прошёл верхнюю точку, а белая полоса света опоздала. Механизм уже начал обратное движение, каменный круг под моими ногами оставался тёмным. Я сосчитала четыре удара сердца, прежде чем свет пересёк зал.

Председатель опустил печать на дело Корина, и под верхней застёжкой появилось давление.

Сначала я приняла его за ошибку Серы. Металл мог сместиться после Эха Пела, воротник — натянуться на вдохе. Я коснулась серебряной петли и почувствовала тепло, уходившее глубже кожи.

Вара встала.

— Нора. Стой.

Тонкая линия поднялась от ключицы и обогнула горло, остановившись под подбородком. Серебро выступило на коже.

Зал втянул воздух.

Йорен отнял ладонь от решётки Корина.

Председатель продолжал держать печать на деле. Центральный механизм уже принял решение и отрезал мастера от городской сети.

Корин смотрел на мой след. Страх уступил место узнаванию.

Я поставила ступни шире, освободила диафрагму, втянула воздух на четыре доли и приготовилась удержать его на две. Лёгкие приняли другой ритм. Кто-то вдохнул моими лёгкими.

Глава 2. Она ещё жива

Воздух вошёл коротко и высоко, остановившись у ключиц. Диафрагма сдвинулась против моего усилия, хотя ступни по-прежнему чувствовали каменный круг и тонкую вибрацию центральной печати. След на горле разгорался изнутри. Серебряная линия давила под кожей, перестраивая мышцы гортани под незнакомый голос.

Первый звук вышел без слов — сухой толчок воздуха, которым человек проверяет, способен ли ещё говорить.

Вара уже спускалась к центральному кругу. Её журнал остался на сиденье с раскрытыми страницами. Йорен шагнул от решётки Корина и остановился у серебряной границы пола: во время самопроизвольного освобождения приближаться к Слушательнице разрешалось врачу, остальным требовался приказ председателя.

Приказ задержался.

Судьи за тёмной решёткой видели событие, для которого ещё не существовало процедуры.

Я держала зал краем зрения. Основная часть внимания уже принадлежала женщине, чьё дыхание заняло мою грудную клетку.

Тяжёлый удар прошёл через ступни.

Следующий пришёл ниже и сильнее.

Между ними вращался огромный механизм. Решётчатый

медный настил дрожал, вибрация поднималась по голеням и входила в таз, где тело женщины удерживал широкий ремень. Воздух был горячим и редким. Белый свет шёл снизу, прорезая настил и окрашивая внутреннюю сторону век.

Женщина знала это место.

Я впервые чувствовала его через неё.

Третий удар пришёл ближе. Звук обладал весом и сжимал рёбра раньше, чем достигал слуха. Рядом работал человек, который дышал сквозь слёзы. Я узнала собственный ритм: вдох на четыре доли, сорванная задержка, выдох, разбитый несколькими толчками.

Я плакала в её последних минутах.

Её рука лежала на моём запястье. Пальцы были горячими, ладонь скользила. Между нашими телами находился короткий нож. Рукоять упиралась мне в основание большого пальца, лезвие уже вошло под левое ребро женщины.

Пятое.

Я знала точное место по сопротивлению тканей. Знала угол. Для следующего движения требовалось совсем немного силы.

Моя гортань открылась.

— Через семь дней меня убьёт Нора Вей.

Женский голос звучал низко и срывался от нехватки воздуха. Он выходил из моего рта и проходил через зал с той же ясностью, с какой минуту назад звучал Пел. На верхней галерее кто-то уронил программу. Бумага скользнула по сту-

пения и остановилась у ног распорядителя.

Я попыталась прервать освобождение приёмом, которому училась с семнадцати лет. Язык прижался к нёбу, голосовая щель закрылась, воздух ушёл к носовым ходам. След перехватил управление раньше. Серебро под подбородком стало горячее, мышцы подчинились иному дыханию.

— Нож войдёт под пятое ребро.

Внутри Эха лезвие двигалось вместе с моим пульсом. Женщина смотрела на меня с расстояния вытянутой руки. Белый свет оставлял верхнюю половину лица в тени. Я видела рот, подбородок и прядь волос, прилипшую к щеке. Моё лицо существовало в её восприятии отдельными участками. Глаза она различала хуже, чем нож.

Шестой удар.

Где-то ниже загрохотала цепь. Воздух стал суше. Женщина втянула его и получила лишь половину нужного объёма.

— Она будет плакать.

Мой голос внутри записи просил её о чём-то. Слова ещё собирались, оставался один сорванный тембр. Женщина понимала меня, и это понимание страшило её сильнее лезвия.

— Попросит простить её.

Я слышала собственную фразу через её тело.

Прости меня.

В ней находилась необходимость, не оставлявшая места для другого движения. Я держала нож как инструмент завершения, весь доступный мир сузился до моей руки и раны

под левым ребром. Женщина знала это и ждала следующего действия.

Седьмой удар прошёл через механизм.

Моя рука повернула лезвие.

Боль вошла сразу, широкая и ослепляющая, разлилась под левыми рёбрами и отдала в плечо. Вчерашний мальчик удерживал край лестницы справа. Пел поднимался у западной двери. Женщина занимала левую половину тела, а я удерживала между ними своё имя.

Крик зала дошёл через толщу Эха.

Вара коснулась моего запястья и нашла пульс. Её пальцы удерживали связь с настоящим телом. Профессиональная дисциплина оставила её рядом, когда остальных тянуло вмешаться.

— Смотрите на меня.

Я видела женщину в белом свете.

— Нора. Назовите имя.

Голос продолжил:

— Она повернёт лезвие.

Левая сторона грудной клетки сжалась. Мышцы защищали место будущей раны. Я выпрямилась, открыла диафрагму и нашла внутри навязанного ритма короткий промежуток.

— Нора.

Имя вышло на два голоса. Мой лежал ниже, женский дрожал над ним.

Вара подняла свободную руку, показывая председателю,

что связь сохраняется. За решёткой наконец пришли в движение. Один судья потянулся к аварийному колоколу, сосед удержал его запястье: удар мог войти в запись и повредить последовательность.

Председатель держал ладонь над печатью Корина.

Женщина в третьем ряду встала.

Серое платье расправилось у её ног. Красная нить мелькнула на внутренней стороне рукава. Одной рукой она держалась за спинку переднего сиденья, вторую прижимала к левому боку — туда, где через семь дней должно было войти моё лезвие.

Её лицо я видела сразу в двух временах.

Сейчас кожа побледнела от потрясения, рот оставался приоткрытым. Волосы были собраны у затылка; возле виска выбилась одна прядь. В Эхо белый свет ломал черты, боль стягивала губы, та же прядь лежала на щеке. Между двумя лицами оставались семь суток.

Она убрала ладонь от бока.

Серая ткань оставалась чистой.

— Это мой голос.

Реплика дошла через зал и через запись. Тембр совпал сразу. Живой голос звучал полнее, опирался на свободное дыхание; внутри Эха та же гортань работала на последних остатках воздуха. Сходство ощущалось мышцами раньше слуха. Под моим языком возникло напряжение, свойственное ей на согласных. Лёгкие требовали более высокого вдо-

ха.

Эта женщина находилась во мне с профессионально доказуемой точностью.

Вара повернулась к третьему ряду.

— Назовите имя.

— Ада Моррен.

Фамилия открыла в памяти обугленные плиты Фонарной площади и Орена Моррена под охраной; тела погибших уже унесли под закрытыми полотнами. Я вела процесс и потребовала высшей меры. Через два месяца Арден назначил меня старшей Слушательницей.

Дочь Орена стояла в третьем ряду и слушала собственную смерть моим голосом.

Ада подняла подбородок. Страх жил в горле, речь сохраняла ясность. Я почувствовала уважение раньше, чем успела решить, заслуживает ли она его.

Она втянула воздух.

Её губы беззвучно собрали первые движения следующей фразы.

— Я пойму...

Моя гортань сократилась на один вдох позже.

— Я пойму, зачем она это делает.

Ада прижала пальцы к горлу.

По залу прошёл общий выдох. Она опередила голос лишь на несколько секунд. Этого хватило для нового невозможного факта.

Вара подошла к ней. Йорен освободил проход, председатель оставил распоряжение при себе.

Эхо всё ещё держало меня.

Белый свет поднимался. Женщина теряла воздух. Нож оставался в ране. Следующая часть записи существовала, однако связь истончалась: после поворота лезвия внимание распадалось, слух уходил в низкий гул механизма.

— Она думает, что спасает...

Голос оборвался.

Серебряный след вспыхнул у краёв, середина стала бледнее. Я втянула воздух собственным ритмом и удержала его, пока тело Ады выходило из моей грудной клетки.

Медный настил и нож исчезли одновременно, оставив меня в Главном зале с памятью будущей боли.

Колени выдержали, гортань сохранила голос. Левая рука сама легла под рёбра, туда, где Эхо удерживало рану. Кожа под тканью оставалась целой. Мышцы живота сокращались вокруг отсутствующего лезвия.

Вара осматривала Аду. Она расстегнула верхнюю часть серого платья, провела пальцами по левому боку и проверила кожу под пятым ребром, затем положила ладонь на диафрагму.

— Вдохните глубже.

Ада выполнила просьбу. Лёгкие раскрылись свободно.

— Боль?

— Здесь.

Она указала место из Эха.

— Сейчас?

— Осталась после голоса.

— Кожа цела.

— Я вижу.

Ада приняла оба факта. Люди обычно выбирали тот, с которым легче жить.

Я сняла верхнюю застёжку. Пальцы слушались хуже, петля зацепилась за край следа, металл обжёг кожу. Сера оказалась рядом, осторожно отвела мою руку и начала освобождать воротник снизу. В её движениях впервые за годы совместной работы отсутствовала уверенность. Она дважды коснулась одной застёжки, прежде чем нашла механизм.

— Смотри на меня.

— Я вернулась.

— Имя.

— Нора Вей. Тридцать четыре года. Главный зал.

— Боль?

— Левое подреберье. Запись Ады Моррен. Правое плечо держит две предыдущие.

Сера выдохнула и сняла верхнюю петлю. Воротник разошёлся. Серебряная линия занимала переднюю поверхность горла, края ещё светились.

Вара вернулась ко мне после осмотра Ады и приложила к следу маленькое тёмное зеркало. Серебро в отражении выглядело тоньше, чем окончательный рубец Пела на руке Ко-

рина, а его края сохраняли подвижный свет.

Её лицо изменилось.

— Ты видела такой рисунок.

Она опустила зеркало.

— Похожие края.

— Где?

— В медицинских журналах.

— У живых людей?

Ответ задержался. Вара выбрала осторожность в минуту, когда осторожность уже звучала признанием.

— На момент первой отметки человек оставался жив.

Председатель потребовал внимания зала.

— Слушание приостанавливается. Все двери остаются закрытыми. Публика сохраняет места до завершения первичного осмотра.

На верхней галерее поднялся человек в форме печатника и двинулся к выходу. Распорядители перегородили ступени. С другого конца зала женщина крикнула, что её ребёнок ждёт снаружи. Несколько зрителей направились к проходам одновременно. Каменная чаша усилила шаги, скрежет сидений превратил отдельную тревогу в общий гул.

Главный зал плохо переносил хаос. Архитектура усиливала центральный голос, пока центр владел происходящим. Теперь в нём стояли две живые женщины: одна уже дала показания о собственной смерти, другая носила след будущего убийства. Судьи спорили за решёткой достаточно тихо, что-

бы публика слышала лишь обрывки.

Корин держался за решётку обеими руками.

Он смотрел на меня с вниманием мастера, услышавшего внутри исправного устройства скрытую передачу.

— Вы знали.

Йорен встал между нами.

— Разговор с обвиняемым прекращён до распоряжения коллегии.

— Он узнал след.

Корин повёл плечом.

— Я узнал выражение вашего лица. Так смотрит человек, когда механизм соблюдает правило и выдаёт неправильный результат.

— Вы произнесли: «Мёртвые не обязаны говорить о прошлом».

— Ещё произнесу.

Йорен повернулся к нему. Корин убрал одну руку с решётки и показал серебряный рубец Пела.

— След появился за одиннадцать минут до его смерти. Врач это записала. Суд назвал часы неисправными. Теперь голос пришёл за семь дней. Какой разрыв вы примете на этот раз?

Председатель ударил печатью, требуя порядка.

Корин повысил голос. Цеховая привычка вынесла его слова к верхнему ряду без помощи центрального круга.

— Мёртвые не обязаны говорить о прошлом.

Фраза легла на зал и сразу распалась на множество толкований. Одни слышали доказательство невинности Корина. Другие — кощунство против Суда. Я слышала формулу, которую он носил с начала процесса и ждал случая произнести перед достаточным числом людей.

Значит, Пел сообщил ему больше, чем дошло до публичной копии.

Либо Корин сам приблизился к закономерности ранних следов.

Я хотела задать следующий вопрос, когда Арден вошёл в центральный круг.

Он спустился с боковой галереи один. Светлое пальто выделялось среди тёмной формы распорядителей, и шум стал тише ещё до первого жеста. Люди знали его лицо по процессам и монетам; ежегодную речь Ардена слышал каждый район. Для большинства Лиора он был человеком, превратившим семь враждующих островов в город, где убийца слышал голос жертвы перед приговором.

Арден остановился рядом со мной и посмотрел на след.

В его лице я увидела страх. Мышцы у основания челюсти удерживали его, дыхание стало мельче. Через секунду Первый судья вернул себе привычную собранность.

— Вара?

— След активен. Рисунок отличается от окончательного. Голос принадлежит Аде Моррен по первичному совпадению.

— Первичному?

— Нужны медицинская и акустическая проверки.

Арден перевёл взгляд на Аду.

— Вы знали содержание?

— Только следующую фразу.

— Откуда?

Ада коснулась горла.

— Я слышала её за один вдох до Норы.

— До начала освобождения вы знали слова?

— Ни одного.

— Причину смерти?

— Нет.

— Место?

— Я почувствовала металл под ногами, когда голос уже начался.

Арден выдержал паузу.

— Вы пришли на процесс Корина намеренно?

— Да.

— Ожидали собственное Эхо?

— Пел Орса оставил условную инструкцию.

Вдова Пела поднялась в первом ряду.

— Мой муж знал её?

Ада повернулась к ней.

— Мы встречались дважды.

— Что значит «условная инструкция»?

— Если Пела убьют, а Корина обвинят, я должна следить

за процессом. На финальное заседание с Норой Вей — занять третий ряд и остаться до центральной печати.

— Когда он это написал?

— За пять дней до смерти.

— Дата процесса тогда отсутствовала.

— Я следила за расписанием шесть месяцев.

Ответ был точен. Пел знал элементы операции и оставил порядок действий, зависящий от будущих событий. Пророчество для этого не требовалось.

Арден продолжил:

— Почему третий ряд?

— Первый занимают семьи. Второй отдают официальным наблюдателям и печатникам. Третий — ближайший ряд общего доступа. Пел хотел, чтобы меня увидели до того, как Суд назовёт свидетелем и уведёт в отдельную комнату.

— Он объяснил связь с печатью Корина?

— Нет. Оставил одну страницу.

Рука вдовы соскользнула с серебряной нити.

— Где она?

Ада посмотрела на Ардена.

— В месте, до которого Суд ещё не дошёл.

Первый судья принял отказ без давления. Спокойствие могло означать уверенность: любое место в Лиоре рано или поздно получает адрес.

— Что находится на странице?

— Моё имя, имя Норы Вей и Седьмой колокол.

Судьи за решёткой замолчали.

Боль под левым ребром изменилась, стала короче и глубже. Я отметила это без вывода. Живой след сохранял связь с действующим коридором; одно из только что произнесённых сведений достигло людей, способных действовать.

Арден повернулся ко мне.

— Ты способна освободить голос ещё раз?

Вара вмешалась раньше ответа.

— Сегодняшняя нагрузка уже превышена. Самопроизвольный захват произошёл сразу после полного Эха Пела.

— Короткий фрагмент?

— Риск смещения высокий.

Я провела языком по внутренней стороне зубов. Голосовые связки отзывались тупой болью. Эхо Ады оставило в груди нехватку воздуха, левая рука помнила её горячую ладонь.

— Я удержу границу.

Вара приблизилась.

— Ты держишь три остатка.

— Два справа, один слева.

— Это описание нагрузки.

Арден выслушал нас.

— Повторная запись переносится.

Облегчение пришло раньше возражения и задело гордость. Я привыкла определять предел собственного тела сама.

На галереях снова рос гул. Печатники спорили с распоря-

дителями, семьи требовали выхода. Защитник Корина добивался отмены приговора. Сам Корин следил за центральной печатью.

Юридически его доступ уже закрыли. Формула приговора осталась незавершённой.

Система зависла между действием механизма и голосом Суда.

Арден поднял руку.

— Главный зал переходит под защитное запечатывание. Публика будет выведена группами после записи имён и проверки материалов. Писцы сохраняют стенограммы. Врачи осмотрят Нору Вей и Аду Моррен. Корин Таль останется под охраной до нового решения коллегии.

Защитник шагнул вперёд.

— Приговор отменён?

— Оглашение прервано.

— Доступ моего подзащитного уже закрыт.

Арден посмотрел на центральную печать.

— Решение о доступе будет рассмотрено отдельно.

— Живое Эхо возникло при закрытии. Верните допуск и проверьте след.

Защитник впервые предложил ход, способный дать немедленный результат.

Боль под моим ребром изменилась снова. Предложение слышали Арден, председатель и Йорен — люди, имевшие возможность восстановить полномочие Корина. В смертель-

ном коридоре появился реальный путь, хотя решение ещё оставалось закрытым.

Арден заметил движение моей руки.

— Что произошло?

— Боль изменилась.

— После предложения восстановить доступ?

— Да.

Председатель заговорил сверху:

— Телесная реакция после перегрузки не является основанием для отмены судебной печати.

Арден поднял взгляд к решётке.

— Сейчас фиксируется факт.

Председатель отодвинулся от края.

Арден обратился к Йорену:

— Запишите точное время появления следа и момент закрытия допуска Корина. Механические часы зала, медицинский хронометр и центральную башню вынести отдельными строками. Среднее значение не использовать.

Вара посмотрела на него.

Я почувствовала раздражение. Такой приказ требовался в деле Пела до моего приговора. Арден отдавал его сейчас, когда невозможность уже проявилась на моём теле.

— Оригинал Пела нужно поднять.

— Да.

— Вместе с семнадцатью секундами.

— Разумеется.

Лёгкость ответа насторожила сильнее сопротивления.

Служители открыли боковые двери для медицинской группы. Основные выходы остались закрыты. Зрителей начали разделять по рядам, записывать имена и отбирать листки. Печатники прятали заметки в одежде. Один бросил свёрнутую стенограмму через балюстраду, распорядитель поймал её у пола.

Ада наблюдала за этим с холодным вниманием.

— Голос уже вышел из зала.

Арден повернулся к ней.

— Людей удерживают от давки.

— Двое печатников ушли до закрытия западных дверей.

— Откуда вы знаете?

— Я видела служебный проход из третьего ряда.

Арден перевёл взгляд на Серу.

Та уже проверяла журнал входов.

— Два пропуска использованы в девять двадцать восемь. Один принадлежит судебной печатной палате. Второй оформлен на помощника архивиста.

— Закрывать официальные печатни до проверки записи. Частным направить уведомление о временном запрете.

Ада усмехнулась.

— Запрет станет заголовком раньше уведомления.

Я посмотрела на тёмные следы краски под её ногтями.

— Вы связаны с печатниками.

— В Лиоре каждый связан с ними, когда Суд выбирает

допустимую часть голоса.

— Назовите человека.

— После того, как вы назовёте того, кто вырезал семнадцать секунд Пела.

Она развернула вопрос без паузы. Ответ заслуживал внимания.

Вара накинула на плечи Ады медицинскую накидку и повела к боковой двери. Ада прошла несколько шагов и остановилась рядом со мной, пока служители освобождали коридор.

Теперь я видела её без искажения Эха. Лицо оказалось моложе голоса, взгляд — старше. На коже у левого виска остался светлый след давнего пореза. Колокольчик касался груди при каждом вдохе и сохранял молчание.

— Вы плакали.

— Я слышала.

— Просили прощения.

— Да.

— Значит, через семь дней узнаете причину.

Я смотрела на её левый бок. Тело помнило сопротивление лезвию.

— Причина оставляет убийство убийством.

— Вы приговорили человека, имея семнадцать секунд пустоты.

Удар был рассчитан точно. Я приняла его без внешнего движения.

— Его дело содержит другие доказательства.

— Моё тоже будет содержать.

Вара коснулась локтя Ады.

Она продолжила тише:

— Когда их накопится достаточно, вы снова назовёте состав полным?

Я могла сослаться на условный статус живого Эха и обязательную проверку каждого элемента. Обе формулировки были верны и сейчас звучали уклонением.

— Я выясню, что заставит меня взять нож.

— Вы уже уверены, что вас заставят.

— Я сохраню вам жизнь.

Ада посмотрела на серебряный след у меня на горле.

— Ваше намерение уже входило в голос. Вы считали удар необходимым.

Вара увела её к распахнутой боковой двери и остановилась там, ожидая разрешения пройти.

Я осталась в центральном круге с памятью о ране женщины, которая стояла в нескольких шагах живой.

Йорен подошёл к председателю за распоряжением по Корину. Решётку открыли с внутренней стороны. Двое маршалов надели на мастера защитные манжеты, блокирующие контакт с судебными печатями. Корин позволил закончить и повернулся ко мне.

— Теперь спросите, почему Пел связал мой процесс с ней.

— Спрошу.

— До казни.

— Оглашение приостановлено.

— Допуск закрыт.

Я посмотрела на центральную печать. Серебряный знак на деле Корина сохранял яркость.

— Решение пересмотрят.

— Через семь дней поздно пересматривать дверь.

Йорен повёл его к выходу.

Корин сделал несколько шагов и обернулся.

— Госпожа Слушательница.

Я ждала.

— Мёртвые не обязаны говорить о прошлом.

На этот раз фраза предназначалась мне одной.

Арден распорядился освободить центральный круг. Сера помогла надеть медицинскую накидку поверх раскрытого воротника. Ткань легла на плечи, правое отозвалось двумя прежними смертями, левый бок сжался вокруг будущей.

У третьего ряда я увидела сложенную программу процесса. В верхнем углу тёмной краской был отпечатан план Главного зала. Ада отметила карандашом западную дверь и проход писцов; ещё две отметки стояли возле боковой галереи Ардена и центральной печати Корина.

У её кресла находился маленький крест.

Она выбрала место заранее.

Я подняла программу. Под ней лежал сахарный колокол, купленный до процесса. Тонкая белая скорлупа треснула в

давке, серебристый сахар рассыпался по сиденью. Внутри была спрятана узкая красная полоска бумаги.

На ней стояли два слова:

Седьмой колокол.

Сера прочитала через моё плечо.

— До него семь дней.

Ада стояла у открытой боковой двери, совсем рядом.

— Шесть дней и остаток сегодняшнего.

Она удерживала медицинскую накидку у горла. Вара ждала разрешения вывести её.

— Сколько именно, госпожа Вей?

Я повернулась к маятнику. Белая полоса снова пересекла камень с опозданием. Центральные часы расходились с собственным светом на четыре удара сердца.

Я назвала время до Седьмого колокола.

Ада выслушала расчёт и прижала ладонь под левое ребро.

Глава 3. Будущая виновная

Из Главного зала меня вывели через дверь, которой пользовались раненые свидетели и Слушатели после тяжёлых записей. Она находилась за креслом медицинского писца и вела в узкий коридор внутри восточной стены. Публика видела, как человек исчезает из центрального круга, дальнейший путь скрывала белая перегородка. Для зала существовал завершённый жест: голос прозвучал, тело убрали, Суд продолжил работу. Сегодня работа остановилась вместе со мной.

За стеной поднимался гул запечатанного амфитеатра. Камень проводил тяжёлое движение людей и скрежет дверных засовов, слова терялись. Давление голосов доходило до диафрагмы, как вода под полом во время прилива.

Вара шла впереди, прижимая к боку раскрытый медицинский футляр. Сера придерживала моё пальто за воротник, чтобы ткань не касалась серебряной линии. Йорен замыкал проход. Его печати ударялись о ремень при каждом шаге; раньше этот звук сопровождал обвиняемых, которых я отправляла в Камеры Тишины. Теперь он двигался за мной.

Левая сторона тела сохраняла смерть Ады. При повороте корпуса мышцы под рёбрами сокращались вокруг раны, которой на коже не существовало. Правое плечо несло мальчика с лестницы и рывок Пела у западной двери. Три остатка требовали отдельного внимания, поэтому я распределя-

ла их по телу, как учила старая лечебная школа: источник и сторона, время записи и степень боли.

Считать вдохи я перестала. Опасность смещения ушла вместе с голосом; счёт без необходимости превращал работу в суеверие.

Медицинская комната примыкала к восточному водному уровню. Под белыми плитами проходил канал, и в стенах ощущалось движение утреннего прилива. Вара закрыла дверь, опустила внутреннюю защёлку и указала на стул с высокой спинкой.

— Пальто.

Сера сняла его с моих плеч. Нижние застёжки сохранили форму, верхняя серебряная петля выгнулась наружу от жара следа. Она попробовала соединить края, металл соскользнул с крючка.

— Оставь.

Сера повернула застёжку к свету. На внутренней стороне серебро потемнело, тонкий замок раскрылся у основания.

— Её придётся заменить.

— Эта останется.

Она посмотрела на меня через зеркало.

— Воротник больше не закроется.

— Пусть остаётся открытым.

Спор длился один взгляд. Сера положила повреждённую застёжку в карман пальто и освободила верхнюю часть формы. Серебряная линия на горле тянулась от левой ключицы

к подбородку, широкая у основания и тонкая возле челюсти. В центре цвет уже уходил в прозрачность, края сохраняли живое мерцание.

Вара поднесла тёмное зеркало, провела им вдоль следа и попросила медленно повернуть голову. При движении вправо левая сторона гортани сжалась. Голос Ады оставил в мышцах свою высоту, способ брать воздух и короткую задержку перед словом «прощения».

— Имя.

— Нора Вей.

— Полная формула.

— Нора Вей, дочь Элары.

В Лиоре такую форму требовали во время восстановления после тяжёлого Эха и перед смертным приговором. В обоих случаях человеку возвращали точное место среди живых прежде, чем голос или закон могли его отнять.

Сера опустила глаза.

— Возраст.

— Тридцать четыре.

— Текущая боль.

— Левое подреберье и правое плечо. Гортань.

Вара провела ногтем по краю схемы.

— Источник слева.

— Живое Эхо Ады Моррен.

— Справа.

— Две окончательные записи.

Она надавила под рёбрами. Тело дёрнулось раньше мысли.

— Здесь?

— Ниже.

Пальцы сместились. Память о лезвии вспыхнула, заставив мышцы втянуться.

— Здесь.

Вара отметила место угольным карандашом. На схеме уже стояли две записи: вчерашний мальчик занимал заднюю поверхность плеча, Пел — сустав и верхнюю часть груди. Ада получила левую дугу под рёбрами.

— Остаток менялся во время разговора о допуске Кори-на?

— Дважды.

— Назови оба момента.

— Защитник предложил вернуть полномочия. Арден распорядился развести временные отметки по отдельным строкам.

Вара перестала писать.

— Первый случай открывал возможное действие. Второй менял порядок проверки.

— Оба влияли на коридор.

— Либо на твоё понимание коридора.

— Моё понимание двери не открывает.

— Тело не подписывает заключений.

— Зато ты подписываешь.

Вара подняла на меня глаза. Усталость в них принадлежала человеку, который слишком долго хранил факт отдельно от объяснения.

— Я подпишу наблюдение. Вывод требует следующего изменения следа.

— Вместе с прежними случаями?

— После доступа к журналам.

— Где они?

— В медицинском архиве.

— Судебном?

Вара вернула карандаш в футляр. Ответ я получила.

Она открыла маленькую коробку с четырьмя чашечками и положила мне на язык кристалл соли.

— Вкус?

— Соль.

Следом дала крупицу жжёного сахара.

Я почувствовала тепло и зернистость. Сладость отсутствовала.

— После одной полной записи вкус возвращается к вечеру, — отметила Вара. — Три остатка способны удержать его дольше. Сегодня различаешь соль, горечь может появиться к ночи.

— Сладкое?

— Завтра, если горло получит отдых.

За дверью прошёл быстрый шаг, следом тяжёлый. Кто-то остановился у наружной защёлки.

Йорен открыл после короткого стука.

В комнату вошла женщина, которую я знала по подписям и закрытым распоряжениям лучше, чем по лицу. Мерет Саль редко появлялась на публичных процессах. Она руководила отделом особых процедур, который в разных документах назывался службой карантина или советом по непрерывности судебной работы. На её форме отсутствовало серебро. Тёмно-серая ткань сидела свободно, волосы были убраны коротко, руки оставались пустыми.

Мерет оглядела комнату, задержалась на открытом воротнике и перевела внимание на Вару.

— Способна отвечать?

— Способна, — опередила я врача.

— Я спросила о медицинском состоянии.

— А отвечать предстоит мне.

Она приняла поправку без заметной реакции.

— В Главном зале находилось четыреста двенадцать человек. Тридцать один покинул здание до запечатывания, двое использовали служебные пропуска во время освобождения Эха. Публичная запись отсутствует, отдельные стенограммы уже вышли за Венец.

— Вы пришли сообщить число свидетелей?

— Установить содержание, которое они слышали.

Она поставила на стол четыре карточки. На первой значилось моё имя, на второй — Ада Моррен. Третья принадлежала Корину Талю, четвёртая оставалась пустой.

— Повторите последовательность голоса без толкования.

Вара возразила:

— Норе требуется отдых.

Мерет повернула карточку Ады к себе.

— Через час в Лиоре появятся десятки версий. Одна быстро станет удобнее фактов. Медицинская запись нужна сейчас.

Она была права, и это раздражало сильнее властного тона.

Я воспроизвела слова Ады по порядку. Мерет записывала без сокращений, отмечая места обрыва и вмешательство моего имени. На фразе «она думает, что спасает» перо остановилось.

— Продолжение существовало?

— Внимание распадалось.

— Слова?

— Отсутствовали.

— Ощущение намерения?

— Ада считала, что я пытаюсь её спасти.

— Степень уверенности?

— Высокая.

— Объективная причина?

— Эхо её не знало.

Мерет закончила строку.

— Место?

— Промышленный механизм. Решётчатый медный настил и центральный привод. Семь тяжёлых ударов.

— Сердце колоколов?

— Я там не была.

— Описание совпадает.

Сера резко повернула голову.

— Зачем Норе находиться в Сердце?

— Через семь дней проводится общегородская церемония. Половина руководителей Суда будет там.

Мерет говорила буднично, карточка Ады уже лежала поверх моей. Она собирала событие как операцию: люди и доступ, место и время.

Затем взяла пустую карточку и обратилась к Варе:

— След менялся после освобождения?

— Дважды.

— Триггеры.

— Предложение восстановить допуск Корины. Приказ Первого судьи записать часы отдельно.

— Решения были приняты?

— Допуск сохранился закрытым. Порядок фиксации времени изменился.

Мерет записала оба события, поставила рядом точные минуты и положила карточку на мою схему тела.

— Кто ещё знает о странице Ады?

— Она отказалась назвать.

— Печатники?

— Возможная связь.

— Конкретный человек?

— Пока отсутствует.

— Пел передал инструкцию за пять дней до смерти. Кто присутствовал при встрече?

— Спросите Аду.

— Спрошу.

Она направилась к выходу и задержалась возле Йорена, протягивая ему список.

— Перепроверьте служебные пропуска. Людей из зала выводить после фиксации адреса. Печатные материалы опечатать отдельно от личных вещей.

— Основание?

— Карантин показания.

Йорен прочитал верхнюю строку.

— В открытом кодексе такой категории нет.

— Она есть в приложении к повреждённым Эхо.

— Приложение регулирует стекло.

— Сегодня повреждение возникло до стекла.

Йорен оставил список в её руке.

Дверь снова открылась.

Арден вошёл вместе с председателем коллегии и старшим правовым писцом. Председатель снял парадную мантию; под ней остался короткий судебный жакет, тесный у шеи. В зале он казался частью решётки, здесь выглядел пожилым человеком, которому требовалось быстро вернуть миру привычный порядок.

Правовой писец нёс толстую книгу ранних процедур. Ко-

жа на обложке потемнела от рук, медные замки различались по возрасту. Такие книги держали в нижнем архиве для церемоний и редких споров о формулировках. Одну открывали на процессе моряка, осуждённого по Эхо ребёнка; тогда понадобилось старое правило о детских названиях.

Арден подошёл ко мне.

— Как горло?

— Работает.

Он коснулся края серебряной линии, едва дотронувшись до кожи. След ответил слабым жаром.

— Боль?

— Сохраняется.

— Вара разрешает разговор?

— Вара разрешает наблюдение. Разговариваю я.

Угол его рта изменился. В другой день это стало бы улыбкой.

— Значит, вернулась.

Председатель положил ладонь на спинку свободного стула.

— Решение требуется до вывода публики. Событие получило сотни свидетелей.

— Событие получило одну будущую жертву, — уточнила я. — Она жива.

— Именно это создаёт затруднение.

Мерет передала Ардену карточки. Среди них лежала запись о двух изменениях боли.

— Голос содержит время, место и способ убийства. Носитель следа установлен. Жертва подтвердила принадлежность.

— Опережение одной фразы? — спросил Арден.

— Зафиксировано врачом.

Вара поднялась.

— Резонанс длился один вдох. До освобождения Ада слов не знала.

— Уверены?

— Её гортань начала движение раньше голоса Норы. Вывод предварительный.

Правовой писец открыл книгу. Плотные страницы были размечены красными закладками, часть терминов вышла из употребления. Он нашёл раздел, провёл пальцем по строке и развернул текст к председателю.

— В союзном кодексе существовала категория для носителя условного следа.

— Живые Эхо тогда признавались? — спросила я.

— Статья относится к угрозе смерти, где исход сохранял возможность изменения. Формулировка шире происхождения следа.

— Название.

Писец посмотрел на Ардена. Первый судья кивнул.

— Предполагаемый Шарнир.

Я знала «шарнир» по старым комментариям к причинной связи. Им обозначали человека, через действие которого со-

бытие меняло направление. Современный Суд предпочитал «носителя следа»: термин сразу связывал тело с доказательством и меньше говорил о возможности поворота.

— Предполагаемый, — повторила я. — На каком основании предполагается действие?

— На основании Эха, — отозвался председатель.

— Эхо принадлежит живой женщине. Событие ещё доступно изменению.

— Суд обязан учитывать риск.

— Риск требует защиты. Статус уже создаёт обвинение.

Председатель поправил воротник.

— В документе слово «виновная» отсутствует.

— На улицах оно появится раньше вашей подписи.

Арден открыл книгу и прочитал статью до конца. Она давала Суду право ограничить доступ к оружию и механизмам, приостановить должностные полномочия, назначить сопровождающего и обеспечить постоянное наблюдение за будущей жертвой.

В следующем абзаце стояло иное требование: до применения ограничений предполагаемому Шарниру передавались все сведения, способные изменить исход.

Правовой писец оставил палец на этой строке.

Для старых составителей защита начиналась с передачи знания. Ограничения шли следом. Современная процедура собиралась перевернуть порядок.

Мерет первой заговорила:

— Условие относится к предотвращению несчастных случаев.

— Статья не уточняет природу смерти, — возразил писец.

Я прочитала строку ещё раз. Ранний кодекс называл физическое действие прямо: передать предупреждение и открыть доступ. Он хранил представление о причинности, которое позднее исчезло из судебного языка.

— Значит, мне обязаны предоставить страницу Ады, полный оригинал Пела и документы о закрытии допуска Корина.

— Страница находится у Ады, — напомнил Арден.

— Суд должен получить её с согласия владелицы.

Мерет сложила руки.

— При угрозе убийства согласие уступает защите.

— Угроза исходит от меня. Статья требует передать сведения мне.

— Поэтому доступ придётся регулировать.

Я посмотрела на неё.

— Вы хотите применить половину правила.

— Я хочу сохранить Аду живой.

— Тогда дайте мне всё, что способно изменить моё действие.

В комнате возникла пауза. Председатель отвёл взгляд. Правовой писец продолжал держать палец у спорной строки. Вара изучала мой след через зеркало, разговор слушала целиком.

Арден закрыл книгу.

— Нора получит материалы после первичной проверки.
До этого момента действует временный статус предполагаемого Шарнира.

— Полномочия?

— Приостановлены.

Слово легло тяжелее серебра.

— Доступ к оригиналам?

— По разрешению следствия.

— Кто ведёт следствие?

— Я.

Ответ прозвучал мягко, лично. Арден забирал дело к себе и ожидал, что это успокоит меня.

— Мой нож?

— Передашь Йорену.

— Профессиональный знак?

Арден опустил глаза к обожжённой застёжке у груди.

— Его опечатают до решения коллегии.

Сера сделала едва заметное движение. Она знала, сколько лет этот знак лежал на моей форме и кто приколот его после процесса Орена.

— Я остаюсь Слушательницей.

— Должность приостановлена. Навык остаётся.

— Голос невозможно опечатать.

Мерет перевернула карточку с моим именем.

— Поэтому требуется сопровождающий.

Йорен наконец взял её список.

— Объём наблюдения?

— Внутри Венца и за его пределами. Контакты фиксируются. Оружие и печати передаются на хранение, доступ к архивам и сети закрывается.

— Я не заключённая.

— Вы участница защитной процедуры, — ответил Арден. Я посмотрела на старую книгу.

— Эти задачи используют одни двери.

Он выдержал мой взгляд.

— Пока механизм неизвестен, двери сохранят вам обоим жизнь.

Арден умел произносить «вам обоим» так, что ограничение превращалось в заботу. Эта способность спасала людей во время войн и заставляла их отдавать ему решения, которых они боялись.

Йорен снял с ремня узкую коробку для оружия.

Мой нож находился во внутреннем кармане формы, под левой рукой. Короткое судебное лезвие предназначалось для разрезания ремней, вскрытия пломб и защиты Слушателя во время выездного освобождения. Я носила его двенадцать лет. Вес был частью походки, рукоять касалась ребра при каждом повороте корпуса.

После Эха Ады прикосновение к ножу вызвало резкую боль под пятым ребром.

Я достала оружие двумя пальцами и положила в коробку. Йорен повернул его так, чтобы лезвие легло вдоль красной

подкладки, закрыл крышку и поставил маршальскую печать.

Сера подошла к знаку Слушательницы.

— Я сама.

Застёжка прошла сквозь ткань с сухим сопротивлением. На светлой подкладке остались два маленьких отверстия и тёмный след от ожога. Я положила знак рядом с ножом.

Йорен приготовил второй футляр.

— Это излишне.

— Металл должен храниться отдельно от оружия.

— Знак никого не ранит.

— Ваш голос описал убийство рабочим ножом. Я предпочитаю буквальность правил.

— Разумный выбор.

Он уловил насмешку и оставил её без ответа.

Правовой писец оформил решение на двух листах. Первый содержал временный статус, второй — ограничения. Внизу появилось новое поле:

Предполагаемая жертва: Ада Моррен.

Следующая строка:

Предполагаемый Шарнир: Нора Вей.

Дата оставалась открытой. Писец посмотрел на меня.

— Эхо указывает Седьмой колокол. Точная дата зависит от официального начала церемонии.

— Праздник проводится через семь дней.

— Приказ о времени ещё не опубликован.

Он оставил строку пустой. Юридическая осторожность

сохраняла формальную точность и позволяла всем понимать одно и то же.

Арден подписал первым. Председатель добавил печать коллегии. Вара поставила медицинскую отметку о допустимости разговора, Йорен подтвердил принятие наблюдения.

Документ подали мне.

— Подпись означает получение, — пояснил писец.

— Я умею читать судебные формы.

— Сегодня форма новая.

Я подписала.

Перо требовало большего давления, чем обычно. Левая рука удерживала бумагу и помнила горячую ладонь Ады на запястье.

В дверь постучали. Служитель передал Сере маленький листок и сразу ушёл.

Она прочитала, подошла к окну и приоткрыла внутреннюю ставню.

С медицинского уровня был виден Часовой мост. Туман рассеялся, первые полосы дождя пересекали лагуну. Толпа у западных ступеней стала плотнее, хотя Суд удерживал публику внутри Главного зала. Люди прибывали с других островов, привлечённые объявлениями и мальчишками-разносчиками.

На перилах уже висели новые листки.

С такого расстояния заголовок читался благодаря крупным литерам:

НОРА ВЕЙ УСЛЫШАЛА СОБСТВЕННОЕ УБИЙСТВО.

Ниже стояла гравюра с процесса Орена Моррена. Художник взял момент, когда я требовала высшей меры: открытый воротник старой формы, поднятая рука, лицо, обращённое к судейской галерее. Рядом добавили женщину с ножом, которой в исходной гравюре не существовало.

Через несколько минут появился второй лист:

ДОЧЬ КАЗНЁННОГО НАЗВАЛА СЛУШАТЕЛЬНИЦУ СВОЕЙ УБИЙЦЕЙ.

Мерет встала рядом с Серой.

— Официальный запрет отправлен.

— Он опоздал, — заметила Сера.

— Закроют формы и изымут тираж.

За окном мальчик передал лист женщине в лодке. Она свернула бумагу и спрятала под плащом. Другой экземпляр уже поднимали на верхний ярус моста, откуда его увидит каждый судебный катер.

Мерет отошла от окна и собрала карточки. Запись о двух изменениях боли исчезла во внутреннем кармане её формы.

— Аду переводят в Дом защищённых свидетелей.

— Я буду присутствовать при допросе.

— Ваш контакт ограничен.

— Старая статья требует передачи информации предполагаемому Шарниру.

Правовой писец подтвердил:

— При участии сопровождающего контакт допустим.

Мерет повернулась к Ардену.

Он принял решение сразу.

— Нора проведёт первичную беседу. Йорен останется в комнате. Запись обязательна.

— Ада способна отказаться, — напомнила Вара.

— Пусть откажется мне в лицо.

Арден подошёл ближе. Его пальцы коснулись пустого места на моей форме.

— Сначала выпей.

Служитель принёс чашку тёплого настоя. Вода пахла горькими листьями и солью. После сильного Эха смесь возвращала слизистой чувствительность и снижала риск повторного захвата. Арден сам проверил температуру, прежде чем отдать чашку мне.

Я сделала глоток.

Соль чувствовалась. Горечь едва проступала, сладкий след отсутствовал.

— Сегодня останешься на Венце, — произнёс Арден. — После допроса вернёшься в свои комнаты.

— Под охраной.

— Под наблюдением.

— Термин меняет впечатление.

— Впечатления уже принадлежат печатникам.

Он посмотрел в окно на листки с моим лицом.

— Мне важна твоя безопасность.

— Ада считает меня угрозой.

— Ада пришла в зал по инструкции Пела и спрятала стра-
ницу. Её представление о безопасности требует проверки.

— Моё тоже?

— Особенно твоё.

Я поставила чашку на стол.

— Ты испугался, когда увидел след.

Арден выдержал паузу.

— Да.

Прямой ответ выбил из меня подготовленный вопрос.

— Ты видел такой раньше?

— Я видел записи, признанные повреждёнными.

— Живые следы?

— Случаи с расхождением времени.

— Вара тоже.

— Поэтому расследование у меня.

Он говорил свободно, без задержки вдоха и усилия в на-
чале фразы. Главная часть оставалась за пределами ответа.

— Сколько случаев?

— Найдём журналы и установим.

— Ты знаешь число.

— Я знаю слухи, старые споры и несколько закрытых дел.

Число требует проверки.

Мерет уже стояла у двери.

Йорен вернул мне пальто. Верхняя застёжка лежала в
кармане, воротник оставался открытым. Он протянул узкую

чёрную ленту.

— Для временной фиксации.

— Серебро заменили тканью?

— Ткань не нагреется на следе.

Я завязала ленту ниже ключиц, оставив горло открытым.

— Правила сопровождения, — начал Йорен. — Вы сообщаете маршрут. Я присутствую при разговорах, связанных с делом. Самостоятельный доступ к механизмам и архивам закрыт. Медицинская помощь и юридическое возражение сохраняются.

— Право на закрытую дверь тоже сохранилось?

— Дверь выбирает Суд.

— Тогда право принадлежит Суду.

Йорен надел перчатку.

— Дверь Дома свидетелей открывается изнутри.

— Служебная печать снаружи?

— Есть.

— У кого?

— У меня и старшего распорядителя.

— Уже лучше.

Он не спросил, для кого.

Мы вышли из медицинской комнаты. Мерет направилась к водному уровню, Арден с председателем вернулись к Главному залу. Вара осталась у журналов. Сера сопровождала нас до лестницы, держа футляр со знаком. Коробку с ножом нёс Йорен отдельно.

У первого поворота она остановилась.

— Знак отнесу в хранилище лично.

— Проследи за пломбой.

— Номер уже записан.

Она хотела добавить что-то ещё, но коридор заполнили служители. Из боковых комнат выводили зрителей небольшими группами. Люди замолкали, увидев чёрную ленту и пустое место знака. Их взгляды быстро находили серебро на горле.

У молодой женщины в руках оставался смятый листок. Распорядитель потребовал отдать его. Она прижала бумагу к груди.

— Это моя запись.

— Печатные материалы подлежат проверке.

— Я написала сама.

— Источник значения не имеет.

Я остановилась.

— Рукописное свидетельство фиксируется и возвращается владельцу после копирования.

Распорядитель узнал мой голос и машинально отступил.

Йорен приблизился.

— Полномочия приостановлены.

— Правило действует независимо от моих полномочий.

Он повернулся к распорядителю.

— Запишите имя, снимите копию, оригинал верните.

Женщина взяла лист обеими руками и продолжала смот-

реть на след. В её лице отсутствовала благодарность. Она разглядывала будущую убийцу и решала, что именно увидела в зале.

Мы поднялись на публичный уровень. Через высокие окна Часовой мост был виден лучше. К первым листкам добавился третий:

СУД ОХРАНЯЕТ ЖЕРТВУ ОТ СОБСТВЕННОГО ГОЛОСА.

У основания моста продавец сахарных колоколов раздавал их вместе с покупкой.

— Запрет действует? — спросила я.

Йорен взглянул наружу.

— На официальные печатни.

— Этот тираж частный.

— Уведомление ещё в пути.

— Мерет обещала закрыть формы.

— Заккрытие требует адреса.

Я посмотрела на него.

— В Лиоре самое безопасное место — то, адрес которого Суд ещё не установил.

— Ада выразилась сходно?

— Точнее.

Дом защищённых свидетелей находился на восточной стороне Венца, за узким внутренним каналом. К нему вёл крытый переход с прозрачными стенами. Вода под настилом поднялась до первой медной отметки; дождь дробил поверх-

ность, лодки у служебного причала покачивались на коротких цепях.

По пути Йорен получил запечатанное распоряжение и вскрыл его большим пальцем. Прочитал, сложил лист и спрятал во внутренний карман.

— Что изменилось?

— Ваш статус внесён в центральный журнал.

— Формулировка?

Он передал мне копию.

В верхнем углу стоял номер дела. Следствие получило отдельный шифр, печать Ардена и срок первичной проверки. Под строкой с моим именем писец добавил дату:

Седьмой колокол.

— Официальное время церемонии ещё не опубликовано.

— Арден подписал предварительный график.

— Когда?

— До сегодняшнего процесса.

Чернила успели высохнуть полностью.

Ада узнала о Седьмом колоколе через Пела за шесть месяцев до события. Арден располагал предварительным графиком до появления следа. Мерет уже назвала Сердце колоколов возможным местом.

Куски лежали рядом и требовали проверки. Я была уверена: правильная последовательность соберёт из них целое.

Йорен открыл дверь перехода.

На другой стороне прозрачной стены стояла Ада в меди-

цинской накидке. Между нами проходил внутренний канал, тонкое стекло делило коридор на два маршрута. Она увидела чёрную ленту и пустое место знака. Открытый воротник показывал серебро на горле. Коробка с ножом находилась у Йорена, отдельно от меня.

Её взгляд опустился к документу.

Я подняла лист, показывая новый статус.

Ада прочла название через стекло.

Предполагаемый Шарнир.

Она коснулась места будущей раны. Боль под моей ладонью сохранила прежнюю глубину. Коридор не изменился.

Йорен повёл меня к двери допросной комнаты. На первой странице дела стояли четыре подписи и новое поле, заполненное красными чернилами. Убийство, которого я ещё не совершила, уже получило номер.

Глава 4. Женщина в третьем ряду

Дверь допросной комнаты открывалась внутрь, однако её рычаг соединялся с внешней судебной печатью, и эта подробность сразу меняла смысл таблички **«Дом защищённых свидетелей»**, прибитой у входа в переход.

Ада ждала возле окна, выходявшего на узкий канал между двумя корпусами Венца. Медицинскую накидку она сняла и сложила на подоконнике; серое платье снова оказалось полностью видно, вместе с красной нитью внутри манжеты и тонким шнуром траурного колокольчика. Врач разрешил застегнуть ворот, оставив левый бок доступным для повторного осмотра, поэтому верхняя часть платья была перехвачена временной булавкой.

Комната предлагала свидетелю удобство, которое легко принять за заботу: мягкое кресло и сухую жаровню за решёткой, чистую воду и вид на канал, где служебные лодки проходили под прозрачным переходом. Стены покрывала светлая деревянная обшивка. В каждой третьей панели находилась узкая щель, замаскированная под вентиляцию, а в углу над окном выступал медный раструб размером с детскую ладонь.

Ада обнаружила его раньше нашего прихода.

На столе лежали четыре выкрученных винта. Пятый она держала между пальцами, рассматривая резьбу.

— Этот слушает комнату или передаёт голос внутрь?

Йорен закрыл дверь и проверил печать.

— Раструб соединён с постом писцов.

— Значит, слушает.

— Разговор подлежит записи.

— Для записи достаточно человека с пером.

Она положила винт рядом с остальными. Раструб остался в стене, его крепление ослабло, медный край отходил от дерева на толщину ногтя.

Йорен подошёл к панели.

— Разбирать судебное имущество запрещено.

— Я проверила устройство защиты.

— Защита находится снаружи.

Ада обвела комнату взглядом.

— Снаружи находятся люди с ключами. Внутри сидит человек, которого они защищают от собственной двери.

Йорен вернул винты на место, затягивая каждый большим пальцем. Работа требовала инструмента, однако его руки привыкли убеждать металл силой. Я наблюдала, как он восстанавливает раструб, и чувствовала боль Ады под левым ребром каждый раз, когда медная головка входила в дерево. Активный след сохранял прежнюю глубину. Печать на двери и присутствие маршала смертельный коридор пока не меняли.

На другой стороне стены заскрипел писцовый стул.

Ада услышала.

— Один?

— Два писца, — уточнил Йорен. — Первый ведёт запись, второй сверяет формулировки.

— Оба служат Суду.

— В этом здании служат Суду.

Она повернулась ко мне. Чёрная лента стягивала пальто ниже ключиц, оставляя серебряную линию на горле открытой; место снятого знака выделялось светлее окружающей ткани. Ада изучила его с тем вниманием, с каким в зале следила за центральной печатью Корина.

— Вам вернули нож?

— Он опечатан.

— Где?

— В оружейном хранилище.

Её взгляд переместился к Йорену. Коробку он передал перед входом в Дом свидетелей, номер пломбы оставался в его журнале.

— Значит, нож ближе ко мне, чем утром.

— Между вами два запечатанных коридора, — напомнил он. — В жилом крыле дежурит охрана.

— В Эхо между нами оставалась длина руки.

Я заняла кресло напротив неё. Третье место у двери предназначалось сопровождающему. Йорен сел там и положил журнал на колени, сохранив наши руки в поле зрения.

— Вы вправе отказаться от разговора. Отказ войдёт в запись вместе с причинами, которые вы пожелаете назвать.

— А без причин?

— Писцы зафиксируют сам отказ.

— Доступ к комнате изменится?

— Решение принимает Арден.

— Доступ к вам?

— Уже ограничен.

— К оригиналу Пела?

— Закрыт до разрешения следствия.

Ада опустилась в кресло. Она садилась осторожно, оберегая левый бок от подлокотника. Кожа там оставалась целой, тело всё равно подчинялось памяти Эха; такую реакцию я знала по себе, хотя Ада получила один короткий резонанс, а я прожила рану до поворота лезвия.

— Ваш Суд начал с передачи информации, — произнесла она. — Через несколько минут информация исчезла у всех, кому могла пригодиться.

— Старый кодекс обязывает передать мне сведения, способные изменить исход.

— Поэтому у вас отняли доступ к архиву.

— Решение временное.

— Срок смерти известен заранее. Времени у решений осталось меньше недели.

На внутреннем канале поднялась вода. Она дошла до второй медной полосы на каменной опоре и качнула служебную лодку под окном. Цепь натянулась, корпус ударился о сваю; звук прошёл сквозь пол и отозвался в левой половине моего тела.

Я положила ладонь на стол.

— Пел передал вам страницу.

— Да.

— Вы принесли её в Суд?

— Я принесла её туда, где находились люди, способные увидеть след.

— Страница сейчас при вас?

Ада посмотрела на раструб над окном.

— Ответ услышат писцы, Арден и человек, который заберёт лист раньше окончания беседы.

— Суд обязан обеспечить цепь хранения.

— Суд обеспечил цепь хранения Эха Пела.

Её речь сохраняла точность. Каждое утверждение оставалось истинным и направляло разговор к пределу, который она выбирала сама. Орен Моррен владел тем же навыком: на процессе отвечал на поставленный вопрос, оставляя за границей всё, о чём обвинение ещё не догадалось. Тогда я принимала такую речь за признак подготовленной лжи.

Сейчас я видела её устройство яснее.

— Вы управляете полнотой ответа.

— Этим занимается каждый свидетель до встречи со Слушательницей.

— Свидетеля помещают в открытый зал.

— Его ставят в центральный круг, где он видит публику и теряет из виду судей. Разница архитектурная.

— В центре стою я.

— Поэтому вы верите, что открыты сильнее остальных.

Ответ вошёл глубже, чем я ожидала. Напряжение возникло у основания языка, и я позволила ему пройти без реплики.

За стеной перо остановилось.

Ада тоже заметила паузу писца.

— Он ждёт, пока вы выберете название для раздражения.

— Он записывает слова.

— Тогда в строке останется пустое место.

Я откинулась к спинке кресла, распределяя нагрузку на правое плечо, чтобы остаток Пела не смешался с движением руки.

— Ваш отец разговаривал сходным образом.

Колокольчик у груди Ады качнулся и сохранил молчание.

— Вы помните его голос?

— Я проводила его процесс.

— Вы впускали Эхо погибших. Его собственный голос слышали в ответах.

— Этого хватило для оценки.

— Конечно.

Я вспомнила Орена под светом Фонарной площади, перенесённым в судебную раму: обугленные камни, закрытые носилки у северного выхода, женский голос внутри моей гортани. Умиравшая увидела Орена за несколько минут до взрыва. Она знала его имя, а страх связал имя с грядущей смертью.

Моррен знал, что мы умрём.

Эта фраза стала стержнем обвинения. Орен имел доступ к маршрутам процессии; за несколько часов до взрыва пытался вывести с площади нескольких людей. Я услышала знание, следствие доказало возможность действия, коллегия назвала знание подготовкой преступления.

— Ваш отец знал о взрыве. Он менял маршрут людей и скрывал источник сведений.

— Да.

— Предупредил избранных.

— Пытался вывести тех, до кого успел добраться.

— Остальных оставил на площади.

— Остальных удержали распоряжения, подписанные Судом.

Я задержала взгляд на её лице.

— Этого в материалах не было.

— Материалы готовил Суд.

— Орен мог назвать распоряжения.

— Он называл номера.

— Они принадлежали закрытому архиву.

— Поэтому коллегия отказалась их проверять.

За стеной перо снова задвигалось.

Ада не произнесла ни одного слова о невинности отца. Она подтверждала знание и попытку вывести людей, управляя порядком так, чтобы моя прежняя уверенность начала менять форму. Внутри её речи оставалось место, которое она

охраняла особенно тщательно.

— Вы считаете Орена невиновным?

Она провела большим пальцем по краю колокольчика.

— Его казнили за организацию взрыва.

— Вопрос касается вашей оценки.

— Моя оценка не вернёт двенадцать погибших и не откроет его дело.

— Она объяснит вашу цель.

— Моя цель касается живых.

— Включая вас?

— Прежде всего меня.

Ответ прозвучал без героизма. Ада воспринимала собственную жизнь как часть задачи и могла вложить её туда, где считала полезной; страх в её теле существовал, права управлять решением он не получал.

— Почему вы не просите защиты?

Она нашла место, где подлокотник давил на платье, и сместилась ближе к краю.

— Я нахожусь в Доме защищённых свидетелей.

— Комната вам не нравится.

— Комната выполняет назначение. Вы слышите меня, писцы тоже. Дверью управляют снаружи. Моя смерть здесь получит аккуратную цепь хранения.

Йорен поднял глаза от журнала.

— За вашу безопасность отвечаю я.

— Вы отвечали за Корина в зале.

- Корин оставался обвиняемым.
- Его доступ закрыли при вас.
- На основании печати коллегии.
- Печать умеет закрывать двери без рук?

Йорен выдержал её взгляд.

- Моя рука исполняет решение.
- Значит, у решения есть рука.

Фраза отозвалась в следе коротким сжатием. Коридор мог реагировать на названную причинную связь; доступ к действию сохранялся прежним, и я оставила наблюдение без вывода.

Йорен записал реплику полностью.

- Я прослежу, чтобы дверь открылась при угрозе.
- Вы знаете, какая угроза придёт?
- Пока неизвестно.
- Тогда следите за людьми, которые сообщат вам, что комнаты пусты.

Корин уже рассказывал о западной камере. Ада знала достаточно, чтобы соединить его защиту с собственным Эхо, однако источник знания оставался закрыт.

- Покажите страницу.

Она посмотрела на писцовый раструб.

- Сначала закройте запись.

Йорен покачал головой.

- Беседа подлежит обязательной фиксации.
- Тогда страница останется у меня.

— После признания её существования Суд вправе изъять предмет, связанный с угрозой убийства.

— Пусть сформулирует основание и пришлёт открытый приказ.

— Устное распоряжение Ардена уже действует.

— Арден распорядился провести беседу. Обыск в ней отсутствовал.

Йорен открыл журнал на предыдущей странице. Порядок служебных распоряжений был мне знаком: при изъятии предмета у защищённого свидетеля требовались отдельная печать и описание причины, если предмет находился на теле или в одежде. Мерет могла оформить документ за несколько минут. За это время страница перейдёт под контроль Палаты, а мне дадут копию после первичной проверки.

Старая статья требовала иного порядка.

— Писцы выйдут, — решила я.

Йорен повернулся ко мне.

— Ваши полномочия приостановлены.

— Я предлагаю условие добровольной передачи доказательства. Ада отдаст страницу при закрытой первичной фиксации. Вы останетесь свидетелем, описание составляю я. После беседы лист получит открытую печать правового писца, а экземпляры цепи хранения останутся у всех участников.

— Доступ к судебным доказательствам закрыт.

— Страница должна быть передана предполагаемому Шарниру до окончательного ограничения сведений. Кодекс

прочитан вслух.

— Мерет оспорит порядок.

— После появления записи, которую уже нельзя спрятать в приложении.

Ада наблюдала за мной. В её лице появилось новое внимание, лишённое прежней колкости.

Йорен поднялся, открыл дверь и поговорил со старшим писцом в коридоре. Голоса оставались тихими. Через минуту раструб щёлкнул: внутренняя заслонка закрылась, за стеной отодвинулись стулья.

Йорен вернулся.

— Писцы ждут снаружи. Запись прервана по требованию свидетеля. Причина зафиксирована.

— Моя причина проста, — произнесла Ада. — Суд получит страницу, когда перестанет первым решать, какая её часть существует.

Она подняла серую юбку до середины голени. Внутренняя подкладка была темнее наружной ткани и прошита красной нитью вдоль бокового шва. Ада вынула из волос тонкую металлическую пластину, вспорола несколько стежков и достала сложенный вчетверо лист.

Йорен протянул руку.

— На стол, — остановила я.

Ада положила страницу между нами.

Бумага отличалась от судебной: тонкая, сероватая, с плотными волокнами, рассчитанными на многократное склады-

вание. Левый край имел семь маленьких отверстий. Верхняя часть была оторвана от большего листа; линии таблицы уходили в разрыв, несколько слов обрывались на половине буквы.

В первой строке стояло:

МОРРЕН, А.

Ниже:

ШАРНИР: ВЕЙ, Н.

Слово из старого кодекса появилось здесь задолго до живого Эха.

Следующая строка:

ЗАКРЫТИЕ: СЕДЬМОЙ КОЛОКОЛ.

У правого края сохранилась дата, записанная сокращённым архивным кодом. День совпадал с предстоящей церемонией. Год исчез вместе с оторванной частью.

Ниже располагались два поля.

Первое начиналось словом **КЛЮЧ**, дальше бумага была выскоблена до волокон.

Во втором сохранились первые буквы: **РУ...**

Под таблицей стоял мелкий знак Пела Орсы — две пересекающиеся линии внутри открытого круга. Судья использовал его в рабочих заметках, когда оставлял документ до проверки без официальной подписи. Я видела этот знак на ранних черновиках его решений.

— Где Пел получил страницу?

— Не сообщил.

— Передал лично?

— Да.

— Когда?

— За пять дней до смерти, в Старых Арках.

— Место.

— Двор бывшей коллегии у северного водосбора.

— Свидетели?

— Один архивный служитель видел, как я вошла. Имя

Пел запретил узнавать.

— Причина?

— Любое имя давало Суду следующий адрес.

Йорен придвинулся к столу, не касаясь бумаги.

— Пел объяснил слова «Шарнир» и «закрытие»?

— Первый термин обозначает человека, через которого событие повернётся. Второй — момент, после которого у события останется один ход.

— Ключ?

— Он закрыл поле пальцем.

— Рука?

— Тоже.

— Зачем?

— Произнесённое знание превращается в маршрут. Пел хотел, чтобы маршрут открылся в нужный момент.

— Для кого?

Ада посмотрела на меня.

— Для вас.

Серебряная линия на горле отозвалась жаром. Левый бок сжался сильнее, хотя новые сведения ещё не давали конкретного действия. Возможно, коридор реагировал на передачу фрагмента. Вара получит третье наблюдение.

Я наклонилась к странице. В строке с моим именем чернила легли плотнее, чем в остальных полях. Буква **В** имела маленький разрыв у верхней петли — перо меняло направление после короткой задержки. Писал человек, переносивший данные из другого источника или сомневавшийся перед именем.

— Это почерк Пела?

— Таблицу писал другой человек. Знак появился позже.

— Вы уверены?

— Пел держал перо иначе. На инструкции его рука видна.

Она достала из подкладки ещё один сложенный лист. На нём находился текст, написанный крупнее и свободнее.

Если меня убьют и Корина Таля обвинят, следите за расписанием. На последнее слушание под голосом Норы Вей приди раньше открытия дверей. Третий ряд. Оставайтесь до центральной печати. После печати поднимись. Назови себя.

Эхо в инструкции не упоминалось.

Пел рассчитывал на действие, которое должно произойти после закрытия доступа Корина. Он знал, что Ада окажется связана со мной, а живой голос сделает связь видимой всему залу. Такая точность требовала доступа к плану Палаты или

к закономерности, которую Суд ещё не признавал.

— Что означает «под голосом Норы Вей»?

— Я спросила.

— Ответ?

— Пел показал на строку с Шарниром.

— И вы решили, что я буду вести процесс.

— Он назвал вас.

— Почему меня?

— Ваше имя уже стояло в таблице.

— Вы знали, что станете моей жертвой?

— Я знала, что событие повернётся через вас.

— Этого хватило, чтобы прийти?

Ада сложила инструкцию и оставила ладонь на бумаге.

— Пел Орса умер через пять дней. Корина обвинили.

Суд назначил вас на финальное заседание. Каждая часть инструкции исполнялась людьми, которые понятия не имели о странице. К моменту открытия дверей оснований хватало.

— Для риска собственной жизнью?

— Для появления в третьем ряду.

— Вы подготовили послание в сахарном колоколе.

— На случай, если меня уведут сразу после имени.

— Связались с печатниками.

— Листки вышли из зала без моей помощи.

— Краска под ногтями появилась сама?

Ада взглянула на пальцы.

— Я работаю с архивными копиями.

— В типографии?

— В месте, где документы получают вторую жизнь.

— Название.

— Оно не относится к вашей смерти.

— Источник страницы относится.

— Страница пришла от Пела.

Она снова ответила истинно, закрыв следующий шаг.

— Кто сделал копию?

— Копии нет.

— Вы принесли оригинал?

— Да.

Это меняло оценку. Пел передал единственный фрагмент, а Ада вошла с ним в Суд, рискуя потерять документ при первом обыске. Для историка такой выбор выглядел разрушительным. Ада подготовила красную полосу, изучила проходы и обеспечила выход информации через печатников; содержание страницы, вероятно, существовало вне оригинала в иной форме, которую она пока не называла копией.

— Вы запомнили таблицу.

— Да.

— Передали содержание другому человеку.

— Я обсуждала значение слов.

— С кем?

— С людьми, которым доверяю.

— Сколько их?

— Достаточно, чтобы моё исчезновение стало заметным.

Йорен следил за ней внимательнее.

— Исчезновение не входит в план защиты.

— План составили без меня.

— Назовите людей, которым следует сообщить о вашем состоянии.

— Они уже знают, где я.

— Откуда?

— Видели, как меня вывели.

— В зале находилось множество людей.

— Этого достаточно.

Она строила безопасность из публичности, и в этом расчёте существовала своя точность. Суд защищал свидетеля, сокращая число людей с доступом. Ада повышала цену тайного действия, увеличивая число наблюдателей.

— Вы хотите оставаться на виду.

— Я хочу, чтобы каждое перемещение имело свидетелей.

— Это усложнит физическую защиту.

— Тайная защита уже убила Пела.

— Причина смерти Пела расследуется.

— Вы собирались казнить человека за неё.

— Приговор прерван.

— Доступ Корина закрыт.

Страница лежала между нами и превращала закрытие допуска в часть другой операции.

Я провела взглядом от строки «**ШАРНИР: ВЕЙ, Н.**» к отверстиям на левом краю.

— Семь отверстий.

— Пел велел сохранить край.

— Объяснение?

— Сравнить с местами, где город всё ещё помнит семь голосов.

— Какими местами?

— Он умер раньше следующей встречи.

Йорен наклонился ближе.

— Отверстия могли служить креплением.

— На судебных книгах используют два или четыре, — возразила я. — Семь принадлежит районной системе.

— Старой?

— Возможно.

Я знала документы первых десятилетий после Войны округов. Семь отверстий ставили на копиях, которые должны были пройти через районные архивы до принятия центрального решения. Позднее от перфорации отказались: единый Суд хранил один оригинал и производил утверждённые копии сам.

На странице Ады оставался след устройства, упразднённого до моего рождения.

— Пел работал с ранним кодексом.

— И с делами, которые современный Суд закрывал быстрее, чем люди успевали прочитать заголовок.

— Вы помогали ему?

— Дважды передала материалы.

— Какие?

— Списки дел с расхождением времени следа и смерти.

— Где получили списки?

— В открытых стенограммах.

— В них время обычно отсутствует.

— Поэтому пришлось читать медицинские приложения.

— Они доступны по запросу семьи или защитника.

— Я подавала запросы от имени семей.

— Законно?

— Формы приняли.

За стеной сохранялась тишина. Писцы ждали снаружи, Мерет наверняка уже получила сообщение о прерванной записи. Времени оставалось мало.

Я развернула к себе инструкцию Пела.

— Вы хотите разрушить Суд?

— Я хочу заставить его показать полную запись.

— Полную запись чего?

— Моего отца и Пела. Дэйвена Квилла и других людей, которые стояли у двери, а после вырезанной фразы стали убийцами.

Имя Дэйвена вошло в комнату без подготовки. Оно принадлежало мужчине, казнённому за смерть моей мамы.

— Квилл не открыл дверь.

— Вы слышали начало Эха Элары Вей?

Полная формула моего имени, произнесённая Варой, всё ещё находилась в памяти тела. Теперь имя мамы заняло гор-

ло и изменило дыхание.

— Я слышала официальный фрагмент.

— С какой фразы он начинается?

— «Он у двери».

— Следующая?

— «Он не открывает».

— Что было перед ними?

— Повреждённый участок.

Ада убрала руку со страницы.

— Сколько секунд?

— Дело старое. Длительность не помню.

— Семнадцать?

— Откуда эта цифра?

— Пел сравнил дела.

Боль под левым ребром стала глубже, след на горле сохранил прежний свет. Новая информация коснулась моей истории и могла изменить направление поиска, конкретная Рука пока отсутствовала.

— Что именно он сравнил?

— Разрывы перед обвинительной фразой. В деле Пела — семнадцать секунд. В деле Элары Вей длительность скрыта в закрытом приложении.

— Вы видели приложение?

— Нет.

— Значит, это предположение.

— Я знаю номер документа.

— Откуда?

— Орен указал его на своём процессе.

Я вспомнила длинную последовательность цифр, которую он повторял в последнем слове. Судья счёл её попыткой перегрузить протокол ссылками на несвязанные документы. Я подтвердила, что номера отсутствовали в открытом реестре.

В закрытом они могли существовать.

— Почему ваш отец знал дело моей мамы?

— Он работал с Арденом в первые годы Суда.

Эта связь находилась в официальной биографии Орена: юридический советник и один из авторов послевоенной реформы. Я воспринимала её как давний этап карьеры, не имеющий отношения к Фонарной площади.

— Над чем работал?

Ада посмотрела на раструб. Заслонка оставалась закрытой, писцы стояли за дверью. Йорен сидел рядом и уже стал частью ответа.

— Он изучал ранние следы.

Внутри стены щёлкнул механизм.

Кто-то снаружи пытался открыть заслонку раструба.

Ада сложила страницу вдвое.

— На этом добровольная передача заканчивается.

Йорен поднялся и подошёл к двери.

— Кто там?

— Мерет Сааль, — донёсся голос из коридора. — Первичную запись следует восстановить.

— Свидетель поставил условие.

— Условие принято до предъявления доказательства. После предъявления действует цепь хранения.

Ада вернула лист на стол.

— Вот и дверь.

Я взяла чистую страницу из писцовой папки и начала описание: материал и размер, семь отверстий, сохранившиеся поля и выскобленная строка. Добавила знак Пела и характер разрыва верхнего края. Писала быстро, сохраняя изгибы букв. Йорен поставил время начала фиксации и номер своей печати.

Мерет постучала снова.

— Откройте.

— Описание продолжается, — ответил Йорен.

— Полномочие задерживать доказательство отсутствует.

— Обязанность обеспечить цепь действует.

Перо двигалось по бумаге. Ада наблюдала за моей рукой.

— Вы быстро учитесь защищать полноту, когда неполнота касается вас.

— Медленнее, чем хотелось бы.

— Первое честное признание за сегодня.

Я закончила описание и подписала формулой временного приёма. Йорен добавил имя. Ада потребовала внести условие: оригинал передаётся правовому писцу после одновременного изготовления четырёх заверенных копий. Первый экземпляр возвращается владелице, второй остаётся у пред-

полагаемого Шарнира под печатью сопровождающего, третий передаётся следствию Ардена, четвёртый получает Палата. Оригинал хранится отдельно и вскрывается только при присутствии правового писца.

— Мерет оспорит, — предупредил Йорен.

— Тогда оригинал останется у меня.

— Она получит приказ на обыск.

— Пусть приказ войдёт в открытую цепь.

Я прочла условие и поставила подпись ниже.

Йорен открыл дверь.

Мерет вошла вместе с правовым писцом и двумя хранителями. Её взгляд сразу нашёл страницу. Раструб над окном оставался закрытым, что она тоже отметила.

— Оригинал передаётся хранителям.

— Правовому писцу, — уточнила я. — Четыре копии изготавливаются здесь.

— Ваш доступ к доказательствам ограничен.

Правовой писец развернул старую книгу.

— Статья предполагаемого Шарнира требует передачи всех доступных сведений до окончательного ограничения.

Мерет перевела взгляд на него.

— Вы уже толковали статью.

— Теперь появился предмет, для которого толкование получило практическое значение.

— Копия у Норы создаёт риск утечки.

— Утечка произошла в Главном зале.

— Страница содержит закрытые обозначения.

— Их существование стало частью открытой записи.

Он защищал текст закона от удобного усечения, и этого сейчас хватало.

Мерет подошла к столу.

— Оригинал принимает правовой писец. Четыре копии: владелице, Норе Вей под печатью Йорена, следствию Ардена и Палате. Копия следствия пройдёт через мой журнал передачи и будет вручена Первому судье отдельно.

Теперь бухгалтерия сходилась вслух.

Хранители разложили переносную копировальную раму. Страницу поместили между тонкими пластинами, прижали края и провели по поверхности графитовым валиком. Волокна бумаги проявились на четырёх листах вместе с выскобленным полем и знаком Пела. Йорен проверил совпадение отверстий, правовой писец поставил печати.

Оригинал лёг в его плоский футляр.

Первую копию получила Ада.

Вторую вложили в тонкую раму, опечатали знаком Йорена и передали мне.

Третью правовой писец поместил в конверт следствия, вписав имя Ардена.

Четвёртую Мерет убрала к карточкам.

— Беседа завершена.

— Ада ещё не ответила на вопрос о защите, — напомнила я.

— Ответ выражен поведением.

— Защита требует согласия и маршрута.

— Маршрут определит Суд.

Ада поднялась.

— Тогда моя дверь снова открывается снаружи.

Йорен встал между ней и Мерет.

— Внутренний рычаг работает.

— До наложения внешней печати.

— Каждое наложение получит запись.

— Приказ исполните?

Он выдержал паузу.

— Потребую основание.

Ада коснулась колокольчика.

— Это лучше, чем ничего.

Мерет направилась к выходу. Хранители последовали за ней, правовой писец задержался у двери и посмотрел на копию в моих руках.

— Старые статьи редко переживают учреждения, которые их написали.

— Эта пережила.

— Текст пережил. Смысл придётся доказать действием.

Он вышел.

Йорен закрыл дверь, однако допрос уже завершился. За раструбом снова появились писцы; заслонка открылась с тихим металлическим щелчком.

Ада подошла к окну. Вода на внутреннем канале подня-

лась до третьей отметки. Служебная лодка натянула цепь и повернулась носом к переходу.

— Вы можете покинуть Венец? — спросила я.

— Через официальный мост?

— Через доступный маршрут.

— На мостах проверяют документы, районные станции получают описание. Побег станет новой версией признания.

— За пределами города существуют частные суда.

— Их владельцы продадут сведения быстрее места.

Она перечисляла устройство города, в котором прожила достаточно долго, чтобы понимать цену каждой двери.

— Значит, останетесь здесь.

— Я останусь на виду.

— Это разные решения.

— Для моей задачи совпадают.

— Какова задача?

Ада повернулась от окна.

— Дожить до момента, когда ваш Суд покажет, зачем ему понадобилось моё Эхо.

— А если этот момент потребует вашей смерти?

— Тогда у вас появится возможность выбрать другой путь.

— Вы рассчитываете на меня.

— Я рассчитываю на то, что вы любите собственную точность сильнее Ардена.

Холод коснулся открытого горла, хотя жаровня продолжа-

ла работать.

— Вы плохо меня знаете.

— Поэтому пришла в третий ряд.

Йорен открыл дверь. Снаружи ждали два распорядителя, готовые перевести Аду в жилую часть Дома свидетелей.

Она надела медицинскую накидку и поправила серое платье там, где распорол подкладку. Красная нить осталась оборванной, два конца лежали на ткани рядом с коленом.

Перед выходом Ада остановилась у стола и положила ладонь на футляр с копией страницы.

— В поле «Ключ» было слово.

— Вы видели его до того, как строку выскоблили?

— Пел закрыл середину пальцем, край оставался виден.

— Какие буквы?

— Последние.

— Назовите.

Она перевела взгляд на медный раструб, где писцы снова записывали каждое слово.

— «...тель».

Свидетель. Слушатель.

Оба слова уже принадлежали этому миру и могли означать разные стороны одной передачи.

— Поле «Рука»?

— Пел закрыл целиком.

— Вы увидели часть.

— Край буквы.

— Какой?

— Округлую нижнюю петлю.

Это подходило десяткам знаков.

Ада вышла в коридор. Распорядители встали по сторонам, Йорен остался со мной ещё на минуту, записывая время окончания беседы.

— Верите ей? — спросил он.

Я провела пальцем по печати футляра.

— Она управляет полнотой. Ложных слов я пока не услышала.

— Это не ответ.

— Я верю странице.

— Пел мог ошибаться.

— Мог.

— Ада могла подготовить её сама.

— Почерк принадлежит другому человеку. Знак Пела требует проверки.

— Будете её защищать?

Боль под левым ребром сохраняла прежнюю глубину. До смерти оставалось шесть дней и часть сегодняшнего.

— Я найду Ключ.

Йорен посмотрел на закрытый футляр.

— А если Ключом окажется ваш нож?

— Тогда Суд уже поместил его в собственное хранилище.

— Это должно успокаивать?

— Меня — нет.

Мы вышли из комнаты. По прозрачному переходу Аду вели к жилому крылу. Снаружи внутреннего канала шёл служебный катер с закрытым белым верхом. На борту стояла печать Палаты.

Катер повернул к окнам Дома свидетелей. Ладонь Ады легла под левое ребро.

Глава 5. Последняя дверь

Катер Палаты вошёл во внутренний канал без сигнала и остановился у Дома свидетелей, натянув причальную цепь до верхнего звена. Белый верх скрывал пассажиров, тёмные окна отражали прозрачный переход, а на корме темнела эмблема службы Мерет: две параллельные линии внутри замкнутого круга.

У Пела линии пересекались, круг его рабочего знака оставался разомкнутым.

Я запомнила различие.

Аду вели по жилой галерее. Распорядители держались на расстоянии шага, сохраняя видимость свободного движения, хотя у каждой двери один из них первым касался внешней пластины. Она остановилась у окна, заметила катер и перевела внимание на людей у причала; ладонь легла под левое ребро, а серебряная боль в моём теле собралась в более узкой точке.

— Время, — потребовала я.

Йорен вынул карманный хронометр.

— Четырнадцать сорок две.

— Запишите изменение остатка. Катер вошёл в канал, служители Палаты открыли водные ворота, Аду переводят в часть здания с прямым доступом Мерет.

Он внёс сведения в журнал, оставив рядом место для ме-

дицинской оценки.

— Боль усилилась?

— Изменила форму. Стала уже и глубже.

— Допуск Корина сохраняется закрытым.

— Коридор способен зависеть от нескольких действий.

Йорен поднял голову. Он привык к слову «коридор» в его материальном значении и искал за ним конкретные двери.

— Перевод Ады вы считаете угрозой?

— Считаю изменением условий. Оценку даст Вара после сопоставления времён.

За стеклом Ада задала распорядителю вопрос. Ответ остался внутри галереи. Через несколько секунд поверх знака Дома свидетелей легла дополнительная печать Палаты. Серебряная линия под подбородком нагрелась, боль под ребром сохранила новую форму.

Йорен записал второе время.

— Четырнадцать сорок три. Одна минута между прибытием катера и печатью.

— Добавьте: до этих действий боль была шире.

— Вы собираетесь проверять каждый замок?

— Я собираюсь различить две гипотезы. След отвечает на реальное изменение коридора или на моё понимание происходящего.

— Для проверки придётся намеренно менять условия защиты.

— Разрешение даст Арден.

Йорен закрыл журнал.

— Откажет.

— Сначала услышит требование.

— У вас назначена беседа с Корином?

— Теперь назначена.

— Кем?

— Предполагаемым Шарниром, которому старая статья гарантирует доступ к сведениям.

— Корин относится к другому делу.

Я подняла опечатанный футляр с копией страницы Ады.

— Пел связал его процесс с центральной печатью. Живое Эхо возникло при закрытии допуска. Разделение дел уже стало фикцией.

Йорен посмотрел на дверь жилого крыла, где эмблема Палаты лежала поверх знака защиты.

— Разговор состоится в присутствии маршала.

— На это я и рассчитывала.

Мы покинули прозрачный переход и вернулись в восточный корпус Венца. Служебная лестница спускалась вдоль канала, однако вода скрылась после второго пролёта; белые каменные стены стали толще, окна исчезли, а по краям пола появилась войлочная полоса. В верхнем здании шаги расходились по галереям. Здесь звук гас у подошв.

Мост Безголосых находился ниже.

Тяжёлая дверь открылась после двух печатей Йорена. За ней Лиор исчез из слуха. Вода продолжала двигаться под

камнем, механизмы Венца работали в соседних шахтах, на площади оставалась толпа, но моё тело больше не получало внешней вибрации. Стены и потолок покрывал тёмный войлок, закреплённый медными планками; дорожка под ногами пружинила, принимая вес. Даже печати на ремне Йорена потеряли голос.

Осуждённых проводили здесь из публичного зала к тюремному крылу, чтобы в последние часы они перестали слышать город. Официальное объяснение обещало защиту от криков толпы и речей родственников. Настоящий эффект проникал глубже: человек лишался пространства, которое всю жизнь подтверждало время и направление, после чего любой голос за дверью начинал казаться опорой.

В этой глухоте остатки Эхо стали явнее. Мальчик тянул правую лопатку вниз, Пел удерживал плечо возле двери. Слева жила Ада: ремень врезался ей в таз, нож входил под ребро, воздух кончался в промышленной камере. Каждая запись сохраняла собственный вес, однако границы требовали больше усилия, когда наружный мир переставал помогать телу.

Я коснулась стены двумя пальцами. Войлок поглотил давление.

— Сколько длится переход?

Мой голос прозвучал близко, лишённый отражения.

— Сто восемьдесят шагов. Мы прошли сорок.

— Заключённые знают расстояние?

— Люди считают.

— Без звука шагов счёт сбивается.

— Для этого мост и построен.

Йорен произнёс фразу спокойно и через несколько шагов услышал её шире должностной справки. Плечи под просмолённым пальто стали жёстче.

— Союзный кодекс запрещал глухие переходы, — напомнила я. — Человек должен был слышать район до исполнения приговора.

— Современная тюрьма защищает порядок.

— Порядок способен выдержать воду под стеной.

— Толпа у ворот сегодня доказывает обратное.

— Толпа получила несколько версий. Тишина оставит ей каждую.

Йорен провёл большим пальцем по краю маршальской печати и продолжил путь.

На середине моста в стене появилась прямоугольная вставка из потемневшей меди. Большую часть закрывал войлок, нижний край выступал над полом. Я остановилась, присела и освободила угол ткани.

Под ней проходили семь тонких борозд, соединённых поперечной линией.

— Районная разводка.

Йорен вернулся на шаг.

— Под тюремным мостом?

— Венец построили поверх союзного архива. Линии мог-

ли вести к районным станциям до появления тюремного крыла.

Он коснулся средней борозды.

— Войлок их заглушил.

— Крепления моложе пластины. У прежней рамы был другой шаг отверстий.

Семь отверстий на странице Ады, семь борозд под тканью, праздничные шнуры над городом. Старое устройство Лиора оставалось в стенах, пока современная власть использовала те же проходы для изоляции людей.

Йорен вернул войлок на место.

— Корин обслуживал такие системы.

— Поэтому мы идём к нему.

В конце моста звук возвращался постепенно. Сначала я почувствовала движение воздуха у щёк, затем услышала тонкий скрип подвесной лампы; за второй дверью возникла вода, ударившая о сваи тюремного корпуса. Город вернулся через рабочие механизмы, человеческие голоса появились позже.

Камера Корина находилась ниже линии канала. Узкое окно под потолком выходило к самой поверхности воды, и каждый проход лодки менял свет на стене. Внутри стояли деревянная койка и стол, прикрученный к полу. На столе лежал кусок хлеба рядом с тяжёлой глиняной чашкой.

Корин сидел без пальто. Тюремный жакет оставлял запястья открытыми, защитные манжеты охватывали руки выше

серебряного рубца Пела. Между ними проходила короткая цепь из чёрного металла, гасившего действие механических печатей.

Он увидел линию на моём горле, чёрную ленту вместо верхних застёжек и футляр в руках. Взгляд задержался на пустом месте профессионального знака.

— Суд быстро учится, когда пугается собственного голоса.

Йорен открыл наружную решётку, внутреннюю оставил закрытой.

— Разговор фиксирую я. Предложение сделки войдёт в протокол.

— У меня отняли допуск и право касаться металла. Предлагать осталось знание.

— Его мы и пришли получить, — ответила я.

Корин поднялся. Движение оказалось медленнее, чем в зале; кашель и часы под землёй сняли часть сценической уверенности. Он подошёл к решётке, удерживая руки ниже груди.

— Вы уже получили достаточно для приговора.

— Теперь материала больше.

— Состав перестал быть достаточным?

— Требуется пересмотра.

— Красивое слово для человека, которому успели закрыть все двери.

Я поставила футляр на узкую полку между решётками.

Йорен приложил печать к замку, повернул и отошёл, оставив крышку открытой. Копия страницы Ады лежала под прозрачной пластиной. Семь отверстий совпадали с чёрными метками на подложке.

Корин не прикоснулся к футляру. Наклонился ближе и прочёл строки.

Его дыхание изменилось на поле «**ЗАКРЫТИЕ**». Грудная клетка остановилась после короткого вдоха, взгляд ушёл к семи отверстиям и вернулся к моему имени.

— Где вы это взяли?

— Ада Моррен получила страницу от Пела за пять дней до его смерти.

— Оригинал?

— У правового писца. Перед вами заверенная копия.

— Она сидела в третьем ряду по его инструкции.

— Да.

Корин прочитал таблицу ещё раз, следя за формой листа.

— Левый край принадлежит старой маршрутной книге.

— Объясните.

— Документы межрайонного доступа закрепляли на станционных рамах. На каждой башне ставили ответную отметку и передавали дальше. Когда лист возвращался на Венец, край показывал полный круг.

— Отметок здесь нет.

— Его оторвали до прохода.

— Таблица внутреннего назначения?

— Либо операция, которую районы видеть не должны.

Йорен занёс фразу в журнал.

— Что означает «закрытие»?

Корин выпрямился.

— В приводных книгах так называли момент, после которого механизм принимает один маршрут. Пока заслонка стоит между линиями, поток можно направить в любую. Когда падает стопор, остаётся один ход.

— Здесь механизмом обозначен человек?

— Палата любит такие слова. С ними легче забыть, что заслонка дышит.

В его голосе появилась горечь, лишённая игры с публикой. Корин боялся страницы сильнее приговора: приговор имел знакомую форму, а таблица превращала его жизнь в одну строку операции.

— На странице нет вашего имени.

— Оно может быть на оторванной части.

— Пел связал процесс с Адой и моей центральной печатью.

— Значит, знал, в какую минуту закроют мой допуск.

— Какой именно?

Корин посмотрел на Йорена.

— Маршал имеет право услышать?

— Маршал имеет печать, способную открывать двери. Сегодня этого достаточно.

Корин усмехнулся, кашель сразу оборвал звук. Он отвер-

нулся к чашке, сделал два глотка и дождался, пока дыхание перестанет царапать гортань.

— Я не стану обучать Суд старой сети, чтобы он запечатал остаток быстрее.

— Что вы хотите?

— Запишите: мой допуск закрыли до завершения приговора, а проверка на учебной пластине не доказывала работу настоящего замка.

Йорен открыл новую страницу.

— Формулировку внесу как заявление заключённого.

— И как требование сохранить приводные журналы до пересмотра.

— Это требование оформит защитник.

— К рассвету журнал заменят копией.

Я посмотрела на Йорена.

— Внесите требование от предполагаемого Шарнира. Журнал связан с действием, после которого возникло живое Эхо.

Йорен записал обе строки и поставил время.

Корин вернулся к решётке.

— До печати я оставался главным мастером западной ответной станции.

— Официально вы служили в центральной сети Медного Берега.

— Современная должность лежала поверх старого доступа.

— Куда он вёл?

Корин снова замолчал, проверяя, выполнена ли уступка. Йорен повернул журнал к решётке, показывая запись и время. Лишь после этого мастер подошёл к стене камеры.

Под окном проходила вертикальная труба, покрытая толстым слоем краски. Он прижал к ней ухо, дождался движения воды и ударил манжетой. Металл ответил низким тоном; через короткую паузу внутри стены возник второй звук, более высокий и удалённый.

— Слышите возврат?

Я приблизилась к решётке. Тон прошёл через камень и вернулся с другой высотой.

— Два контура.

— Первый идёт в тюремную трубу. Второй попадает в старое кольцо под Венцом.

— На Мосту Безголосых семь линий закрыты войлоком. Корин посмотрел на меня.

— Вы нашли пластину.

— Семь борозд.

— Они ведут к районным станциям. Центр использует часть сети для объявлений, обратные линии числятся демонтированными. Несколько сохранились, поскольку связаны с насосами и часами.

— Западная станция относится к ним?

— Старый ответный механизм находится под Медным Берегом. Мой мастерский допуск позволял войти в сектор,

снять центральную блокировку и открыть районный канал на время аварии.

— Один человек способен отключить Суд?

— Один мастер способен дать району право ответить.

Слово легло рядом с полем «**РУ...**» на странице.

Рука.

Корин увидел направление моего взгляда.

— Поле начинается с «Рука»?

— Сохранились первые буквы заголовка. Содержание ушло в разрыв.

— Ада заметила знак у края?

— Нижний штрих, загнутый вправо. Она назвала его петлёй.

Я снова рассмотрела копию. У обрыва оставался тонкий хвост буквы, уходивший ниже строки. На округлую петлю он походил лишь в сложенном листе. В раскрытом виде штрих больше напоминал нижний элемент **щ**.

Йорен наклонился к пластине.

— «Общая»?

— Возможно. Слово содержит щ, а длина поля позволяет.

— Общая Рука звучит как толпа.

— Старый Лиор принимал решения через семь станций,
— напомнила я. — Для Палаты город мог стать механизмом.

Корин отошёл от решётки.

— Таблица точно её работа.

— Вы встречали такие документы?

— Полную таблицу — нет. Видел карточки маршрутов и доступа, каждая содержала одну часть.

— Где?

— После войны инженеров заставили переписать станции под центральный контроль. Мой учитель сохранил несколько копий. После его смерти служба без окон забрала шкафы.

— Название службы вам известно?

— В цехах её зовут комнатой без окон. Официальное имя меняется вместе с начальником.

Йорен поднял голову.

— Сейчас Мерет Сааль руководит карантинном.

— Она закрыла Пела в западной камере.

— Это утверждение требует основания.

— Мерет передала приказ держаться от сектора подальше.

— На процессе вы сообщали о нём.

— Защитник запросил журнал. Суд признал распоряжение санитарным.

Я вспомнила документ из третьего тома дела: **западный сектор закрыт, персонал выведен, повреждённое стекло направлено на очистку.** Внизу стояла эмблема службы — параллельные линии в замкнутом круге. Я читала распоряжение как подтверждение сознательного нарушения: Корин подошёл к сектору, зная о запрете.

— В документе указано, что камера пуста.

— Это мне и сообщили.

— Почему вы подошли?

Корин опустил взгляд на манжеты.

— Услышал аварийный удар. В трубе прошло моё имя — начало слога, дальше помеха. Я увидел белый свет внутри и положил руку на замок.

— Почему дверь осталась закрытой?

— Ключ уже не принимался.

— Журнал показывал действующий допуск.

— Журнал проверяли на учебной пластине.

Зал вернулся памятью: старый ключ, белая отметка допуска, удовлетворённое движение публики. Я сама приняла испытательную пластину как доказательство возможности открыть настоящую дверь.

— Замок отклонил печать?

— Дважды.

— Вы сообщили маршалу смены?

— Эрен Валь пришёл после появления следа. К тому времени дверь получила центральную блокировку, а мой ключ снова числился действующим в журнале.

Йорен перевернул страницу.

— Эрен Валь видел попытку открыть?

— Увидел конец: мою руку у замка и закрытую дверь.

— След появился раньше?

— Медицинский помощник отметил время до его прихода.

— Кто проводил испытание ключа на учебной пластине?

— Мастер судебной проверки Равен Кер.

Йорен записал второе имя.

Два человека видели разные части. Один — закрытый замок после блокировки. Второй — действующий ключ на учебной пластине. Между ними находился журнал, в котором допуск исчез и снова появился.

У такой правки была Рука.

— Почему вы улыбались перед приговором? — спросила я.

Корин повернулся ко мне.

— Вы слышали семнадцать секунд и всё равно подняли текст. Я хотел увидеть, способны ли вы заметить собственное решение.

Его уверенность перестала казаться признаком вины. Корин управлял впечатлением, скрывая страх и удерживая хоть одну область контроля. Я читала это тело как подтверждение уже принятой версии.

— Вернёмся к допуску. Центральная печать закрыла все полномочия.

— Да.

— Западную ответную станцию тоже.

— В первую очередь её. Смертный приговор передаёт мастерские доступы центральному хранителю. Пока формула оставалась открытой, моё имя ещё находилось в кольце. Печать завершила перевод.

— Оглашение прервалось.

— Механизм получил знак раньше голоса.

Решения в Лиоре двигались разными скоростями. Печать достигала замка сразу, текст шёл к писцам, распоряжение спускалось по служебным этажам; человек мог оставаться невиновным в одной комнате и уже потерять возможность действовать в другой. Самые опасные минуты возникали между этими прибытиями.

Тело Ады отозвалось под левым ребром. Печать закрыла доступ Корина, след появился сразу, боль менялась при обсуждении возможности восстановить полномочие.

— До центральной печати вы могли открыть старый канал.

— При физическом доступе к Медному Берегу.

— Вас держали в зале.

— Полномочие существовало. Человек, способный применить его, оставался жив. Палата ещё не получила полный контроль.

— После печати контроль перешёл центру.

— Через один удар механизма.

Йорен остановил перо.

— Вы утверждаете, что Суд, лишая вас допуска по делу Пела, закрыл путь спасения Ады Моррен?

— Я утверждаю последовательность. Эхо появилось в минуту закрытия. Страница называет закрытие. Пел велел Аде ждать печати. Связь сложите сами.

Я провела пальцем по прозрачной пластине. Слово

«ШАРНИР» стояло напротив моего имени. Между ним и «ЗАКРЫТИЕМ» оставались выскобленный Ключ и оборванная Рука.

— Если ваш допуск являлся частью спасения, почему Шарниром указана я?

— Вы провели приговор через голос.

— Печать опустил председатель.

— Вы дали действию основание. Он держал металл, решение произнесли вы.

— След появился на моём горле после печати.

— Жертва связывает последнюю дверь с человеком, который закрыл её в собственном понимании.

— Корин, — предупредил Йорен.

— Хотите нейтральный ответ — спросите Мерет.

Раздражение поднялось быстро. Его версия соединяла причинность и обвинение тем же способом, которым Суд связывал след с виной. Техническая часть поддавалась проверке, и этого хватало.

— Вернуть допуск возможно?

— Центральный хранитель способен восстановить временно.

— Кто занимает должность?

— Формально Арден. Особые переводы подписывает Мерет.

— При восстановлении след изменится?

— Не знаю.

— Ответ мастера.

Корин посмотрел на серебряную линию у меня на горле.

— Одной записи в журнале будет мало. Если след отвечает на реальное состояние сети, мне нужны доступ к западной станции и рабочая печать. Районная линия должна открыться физически.

— Вы хотите выйти из тюрьмы.

— Вы хотите поставить опыт.

Йорен закрыл журнал ладонью.

— Суд не выпустит осуждённого в промышленный сектор на основании гипотезы.

— Я посмотрела на книгу в его руке. — В этой книге отдельные нарушения уже соединяются в одну смерть.

Йорен проследил за моим взглядом. Фраза потеряла двусмысленность и стала записью, которую он сам вёл: ранний след, изменённый журнал, учебная пластина, закрытый настоящий замок.

— Вы требуете вернуть Корину полномочия?

— Требую проверить момент закрытия и право механизма исполнять приговор раньше голоса коллегии.

— Это отдельное нарушение процедуры.

— Запишите его рядом с остальными.

Корин отступил от решётки. Вода за верхним окном поднялась и закрыла половину света. На стене его лицо стало темнее, серебряный рубец Пела сохранил яркость.

— Пел знал, что меня обвинят, — произнёс он. — Знал,

кто поведёт последнее слушание, и связал печать с Адой. Значит, видел таблицу целиком или достаточную часть. Вырезанные секунды могли содержать объяснение.

— Что вы слышали из камеры?

— Имя и удар по трубе. Ещё одно слово.

— Какое?

Он закрыл глаза, возвращаясь к звуку.

— «Западная».

— Дверь?

— Станция, дверь, линия, галерея. Пел терял воздух.

Четыре варианта оставались честнее одного удобного.

— В публичной записи после разрыва он уже находится у двери.

— Значит, внутри семнадцати секунд переместился и пытался передать Ключ.

Слово возникло без торжественного веса. Теперь оно принадлежало конкретной фразе, отсутствующей в записи.

— Кто имеет право поднять оригинал? — спросил Йорен.

— Старшая Слушательница по разрешению хранителя.

Он посмотрел на чёрную ленту у моего горла.

— Доступ приостановлен.

— Правовой писец подтвердил право предполагаемого Шарнира на сведения.

— После первичной проверки.

— Семнадцать секунд проверяли полгода и назвали повреждением.

Корин усмехнулся.

— Добро пожаловать по эту сторону решётки.

Я закрыла футляр. Йорен наложил печать, проверил номер и убрал копию в плоскую сумку.

— Беседа закончена?

— Последний вопрос.

Я подошла ближе к решётке.

— Фраза «мёртвые не обязаны говорить о прошлом» принадлежит вам?

Корин долго смотрел на воду за окном.

— Пел произнёс её за неделю до смерти.

— Где?

— В приводном зале Медного Берега. Мы проверяли старый ответный механизм после самопроизвольного удара.

— Какого удара?

— Западная станция ответила без центрального сигнала. Один раз. Пел пришёл вместе с Мерет, осмотрел линию и попросил оставить нас вдвоём.

Мерет находилась рядом с Пелом в последнюю неделю его жизни официально. Её эмблема закрытого круга стояла на карантинном приказе, её служба забрала инженерные шкафы, её подпись управляла переводом допусков.

— Что ещё сообщил Пел?

— Если след появляется раньше смерти, смотреть следует на время, а не на человека. После этого произнёс фразу.

— Почему скрыли разговор на процессе?

— Рассказал защитнику. Он решил, что такие слова помогут обвинению сильнее защиты.

— Вы согласились?

— Я уже говорил Суду о времени. Вы слышали.

— Я услышала погрешность.

— Именно.

Он вернулся к койке и сел, опустив связанные руки между коленями.

— Пел оставил вам достаточно дверей, госпожа Вей. Суд закрыл их одну за другой. Теперь решите, какая была последней.

Йорен открыл наружную решётку, показывая окончание разговора.

Мы вышли в коридор. Камера закрылась за спиной двумя последовательными печатями. Первая принадлежала тюрьме, поверх неё легла эмблема службы Мерет — параллельные линии внутри замкнутого круга.

По пути к Мосту Безголосых шла смена. Двое служителей несли пищевые чаши, медицинский помощник проверял воздух. Надзиратель отмечал уровень воды, другой служащий сверял номера камер с журналом. Каждый выполнял ограниченную задачу и видел собственный участок порядка.

У двери моста Йорен остановился.

— Арден получит полный протокол вместе с требованием поднять оригинал.

— Мерет уже получила карточку реакций следа и копию

Реестра.

— Оригинал страницы у правового писца.

— Этого хватит, чтобы изменить доступ к стеклу.

— Вы предполагаете вмешательство в архив.

— Предполагаю интерес к семнадцати секундам.

Йорен открыл дверь.

Тёмный войлок поглотил воду и механизмы. Мы вошли на Мост Безголосых, где человеку оставляли дыхание и шаг, лишённый звука.

На двадцатом шаге я остановилась у старой медной пластины.

— Откройте сумку.

— Зачем?

— Сравним перфорацию с бороздами.

Он вынул футляр, приложил к стене и отогнул нижний край войлока. Семь отверстий легли напротив линий с точным промежутком. Левый край страницы принадлежал маршрутной раме, связанной с сетью под Венцом.

Йорен провёл пальцем по поперечной борозде.

— Документ должен был пройти семь районов.

— Либо описывал действие, которому требовался общий ответ.

— В поле Руки могло стоять «общая».

— Хвост буквы честно допускает щ. Остальное проверим по оригиналу и другим таблицам.

— Если найдём.

— Найдём.

Он вернул копию в сумку.

— Оригинал Пела находится в верхнем архиве. Если внутри разрыва есть Ключ, Мерет знает содержание раньше нас.

— Поэтому первичной проверки ждать нельзя.

Йорен медленно опустил войлок на пластину.

— Доступ закрыт.

— Профессиональная подпись в Зале ещё действует, пока решение не дошло до верхнего уровня.

— Использование станет нарушением.

— Подпись подтвердит вход. Дверь откроет сопровождающий.

— Я?

— Вы слышали Корина, видели совпадение отверстий и ведёте журнал изменений следа.

— Арден способен выдать разрешение.

— Пока приказ поднимется, Палата изменит режим оригинала. Стекло нельзя переписать, зато фрагмент можно закрыть рамкой или начать с другого узла.

Йорен стоял в нескольких шагах. На его ремне находились печати, способные открывать тюрьмы и запирают людей внутри. Он привык получать ясное основание до действия; сейчас основание состояло из страницы с выскобленным полем, исправленного журнала и показаний человека, которого Суд собирался казнить. Телесная реакция оставалась чет-

вёртым элементом, пока Вара не отделила коридор от моего понимания.

— Что вы требуете?

— Провести меня в Зал чёрного стекла для проверки доказательства, способного предотвратить смерть Ады Моррен.

— Без разрешения следствия.

— По прямому требованию старого кодекса.

— Мерет назовёт это незаконным доступом.

— Правовой писец назовёт применением статьи.

— Арден?

Я посмотрела на семь борозд, исчезавших под войлоком.

— Узнаем после.

Йорен провёл большим пальцем по печати верхнего архива. Она находилась в отдельном гнезде и требовала второго подтверждения Слушателя. Моя подпись ещё существовала в системе, поскольку решение о статусе двигалось по уровням Венца медленнее механической печати в зале.

В этой задержке оставалось окно.

Перед входом я решила превратить прослушивание в опыт.

— Откройте журнал. Зафиксируйте состояние следа до получения новых сведений.

Йорен выполнил просьбу.

— Время?

Он назвал минуту.

— Боль узкая, постоянная, под левым пятым ребром. Жар по краям следа без изменения. Намерение войти в архив реакции не вызвало.

— Предсказание?

— Если след отвечает лишь на физическое состояние коридора, содержание семнадцати секунд само по себе его не изменит. Для реакции потребуется действие: восстановление допуска Корина, открытая линия или новый маршрут Ады.

— Если боль изменится при прослушивании?

— Значит, полученное знание уже меняет состояние мира до применения.

Йорен записал обе гипотезы и поставил время.

В тишине моста серебряная боль сохраняла прежнюю форму. Путь к оригиналу оставался намерением двух людей, а намерение коридор не открывало.

Йорен приложил печать к двери на дальнем конце.

— В официальном протоколе мы направляемся к Ардену. На служебной лестнице маршрут разделяется.

Он открыл дверь. Звук воды вернулся вместе с холодным движением воздуха.

— Вы учитесь управлять полнотой ответа, маршал.

— Сегодня это заразно.

Мы поднялись к служебному уровню. На первом повороте Йорен свернул от лестницы, ведущей к комнатам Ардена, и приложил печать к узкой двери без таблички.

За ней начинался подъём к Залу чёрного стекла.
Семнадцать секунд ждали наверху.

Глава 6. Семнадцать секунд

Лестница к Залу чёрного стекла поднималась внутри старой башни Венца, где высота ступеней менялась через каждые два пролёта, вынуждая человека внимательнее следить за телом, чем за направлением. Архитекторы первого Суда рассчитывали так замедлять вооружённых людей: бегущий терял шаг на пятом повороте, слугитель, знавший рисунок камня, продолжал подъём без паузы. Позднее у входов появились механические печати, вооружённые нападения ушли в учебники, лестницу сохранили из уважения к возрасту здания и привычкам власти, которая редко отказывается от однажды найденного способа затруднить путь.

На втором пролёте правое плечо стало тяжелее. Мальчик с лестницы тянул лопатку вниз, Пел удерживал сустав у западной двери. Ада жила отдельно, под левым ребром, узкой полосой боли, получившей эту форму после печати Палаты. Гортань отзывалась при глубоком вдохе, хотя голос уже освободился от её высоты.

Сладость по-прежнему отсутствовала.

На площадке Йорен дал мне маленькую таблетку для горла. Я почувствовала прохладную поверхность и соль, собравшуюся по краю; место, где должна была раскрыться патока, осталось пустым.

— Время.

Он открыл журнал на ходу.

— Пятнадцать двадцать семь.

— Состояние прежнее. Намерение добраться до оригинала реакции не вызвало.

Йорен внёс запись. После Моста Безголосых перо шло жёстче, кончик царапал бумагу и оставлял у цифр короткие хвосты.

— На этой лестнице отсутствуют наблюдательные камеры,
— заметил он.

— Откуда уверенность?

— Они не указаны на служебном плане.

— Когда его обновляли?

Йорен поднял взгляд к своду. Между плитами проходила медная полоса, скрытая под несколькими слоями белой краски; на каждом повороте она уходила в стену и появлялась выше.

— После сегодняшнего слово «старый» перестало меня успокаивать.

— Полезная перемена.

— Для карьеры сомнительная.

Лестница закончилась круглой площадкой с четырьмя дверями. Три вели к хранилищам копий, четвёртая — в Зал оригиналов. Над ней висела узкая пластина из чёрного стекла, где серебряные буквы проступали при приближении человека с действующим допуском.

Когда я подошла, имя появилось полностью:

НОРА ВЕЙ, ДОЧЬ ЭЛАРЫ. СТАРШАЯ СЛУШАТЕЛЬНИЦА.

Ниже возникла вторая строка:

ДОСТУП ДЕЙСТВУЕТ. ИЗМЕНЕНИЕ СТАТУСА ОЖИДАЕТ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ.

Решение о моём отстранении уже достигло центрального журнала и тюремного крыла, верхняя башня ещё ждала физическую передачу печати. Один приказ исполнялся в нескольких временах: человек мог потерять полномочие на Медном Берегу и сохранить право открыть самый защищённый архив города.

Йорен прочитал обе строки.

— Система свяжет вход с вашим именем.

— Для этого мы и пришли.

— Мерет получит уведомление.

— Она уже получила его на нижнем уровне. Вопрос заключается в скорости подъёма.

Он вынул печать верхнего архива. Круглая пластина имела две чаши: первая принимала подпись Слушателя, вторая — маршальское подтверждение. Я положила большой палец в левое углубление; металл прочитал старый рубец у основания ногтя и потребовал голос.

— Нора Вей, дочь Элары. Доступ к оригиналу Пела Орсы по делу западной камеры.

Чёрное стекло над дверью посветлело изнутри. Йорен приложил свою печать к правой чаше, механизм принял вто-

рое подтверждение, и внутри стены прошёл длинный металлический вздох.

Дверь отступила на ширину ладони.

Ночной хранитель сидел за узким столом напротив входа, хотя за стенами ещё оставался дневной свет. В верхнем архиве должность определялась режимом стекла, городское время значения не имело: дневные служители работали с регистрами и копиями, ночные допускались к оригиналам, поскольку их глаза привыкали к низкой яркости и замечали мелкие повреждения серебряных жил.

Седой мужчина поднялся, закрыв ладонью раскрытую книгу.

— Госпожа Вей.

Взгляд нашёл линию на горле, чёрную ленту и Йорена за моим плечом. Хранители избегали вопросов о статусе, предпочитая проверять порядок печатей.

— Оригинал Пела Орсы, — потребовала я. — Полная первичная последовательность вместе с участком до публичного узла.

— Дело запечатано после вынесения приговора.

— Оглашение прервалось до завершения формулы.

— Центральная печать принята.

— Голос Суда её не завершил.

Хранитель посмотрел на пластину над дверью, где мой доступ сохранял яркость.

— Основание для повторного прослушивания?

Йорен раскрыл журнал.

— Живое Эхо Ады Моррен возникло в минуту закрытия допуска Корина Таля. Старая статья предполагаемого Шарнира обязывает передать Норе Вей сведения, способные изменить исход. Требование поднять полный оригинал зафиксировано здесь.

Хранитель потянулся к книге и остановил руку над обложкой.

— Разрешение Первого судьи отсутствует.

— Действующий допуск Слушательницы подтверждён системой, маршальская печать также принята, — ответила я.
— Архивная статья разрешает технический осмотр при расхождении публичной копии с телесной реакцией.

Он изучил серебряную линию.

— Реакция относится к иному Эхо.

— Это и требуется проверить.

Старик провёл пальцами по обложке. Его профессия защищала порядок доступа; тот же порядок существовал ради сохранения оригинала от удобного толкования. Оба требования сошлись на его столе.

— В журнале поступлений есть запрос службы непрерывности, — сообщил он. — Оригинал затребован для карантинного осмотра.

— Время?

— Пятнадцать двадцать четыре.

Мы вошли на лестницу через три минуты после запроса.

— Его уже исполнили?

— Для переноса нужны два хранителя. Второй поднимается из восточного крыла.

— Стекло остаётся в раме?

— Да.

Йорен посмотрел на часы.

— Зафиксируйте: запрос Палаты поступил после нашего выхода из тюремного крыла.

Хранитель открыл книгу и внёс время. Чернила легли рядом с эмблемой Мерет — двумя параллельными линиями внутри замкнутого круга. Следующей строкой он записал мой вход и добавил печать Йорена Марра.

— До прибытия второго хранителя разрешён технический осмотр на месте. Перенос и полное освобождение закрыты.

— Мне нужен участок длительностью семнадцать секунд.

— Через тело?

— Через шовный канал.

Сомнение впервые изменило его лицо.

Шовный канал позволял Слушательнице войти в акустический слой, сохранив основную телесную нагрузку за стеклом. Его использовали для сравнения копий и поиска вмешательства. Зрение приходило отдельными кадрами, зато дыхательный рисунок сохранял точность и позволял различать монтаж.

— После трёх остатков канал безопаснее полного осво-

бождения, — произнесла я.

Хранитель нашёл утреннюю отметку Вары в медицинском журнале и открыл внутреннюю дверь.

Зал занимал всю верхнюю часть башни. Чёрные пластины висели в высоких металлических рамах, расположенных дугами вокруг центрального стола; каждая удерживала один оригинал и отражала движение с небольшой задержкой, поэтому человек видел себя на разных стадиях одного шага. В дальнем стекле я ещё входила, в ближнем уже стояла у стола, между ними серебряные жилы сохраняли последние минуты людей, чьи тела давно исчезли из города.

Окон здесь не было. Свет поднимался из пола через молочные пластины, оставляя верхние части рам в темноте. Воздух двигался медленно по замкнутому контуру, защищая края стекла от пыли. Звук распадался на мягкие отражения: кашель хранителя вернулся с четырёх сторон, каждый раз слабее.

Он провёл нас к третьей дуге.

Оригинал Пела Орсы находился в раме с красной полосой судебного использования. Под стеклом висели две таблички. Первая указывала полную длительность записи, вторая обозначала публичный фрагмент и начиналась позже на семнадцать секунд.

Участок существовал в оригинале официально.

В суде его называли повреждением.

— Кто определил допустимый узел?

Хранитель сверился с боковой карточкой.

— Реставратор Палаты. Код подписи закрыт карантинным приложением.

— Закрытая подпись под доказательством по делу об убийстве?

— Личность доступна хранителю высшего уровня.

— Вам она известна?

— Моя степень ниже.

Йорен внёс ответ в журнал.

На боковом краю рамы лежала тонкая серебряная нить, которой отмечали переход между исходным потоком и публичной версией. Она проходила по стеклу без изгиба и исчезала у нижнего крепления. Я наклонилась ближе, удерживая руки за спиной.

— Нить поставили после реставрации?

— Да.

— Её снимали?

Хранитель проверил пломбу.

— В журнале снятий запись отсутствует.

Под нитью находился второй шов, видимый только под боковым светом: узкая дуга пересекала жилу дыхания и возвращалась к ней через толщину стекла. Естественное повреждение расходилось лучами и оставляло края разной глубины. Здесь края были гладкими, расстояние между ними сохранялось по всей длине.

У самого нижнего крепления скрытая жила делала корот-

кий обратный ход, лишний для соединения двух узлов. Линия возвращалась к началу на толщину иглы и только после этого уходила под затемнение. Я запомнила движение, пока не понимая, зачем мастер оставил его в работе, где каждое лишнее колебание увеличивало риск обнаружения.

Человек провёл инструментом через запись, отделил участок и соединил дыхание погибшего с более поздним узлом.

Я знала технику по учебным образцам. Её применяли для удаления случайного голоса служителя или подробности, которую Суд признавал не относящейся к делу. Обычный рестауратор оставлял слабый щелчок в фоне. Здесь переход был построен на непрерывном тоне механизма, поэтому слушатель принимал разрыв за потерю сознания.

— Перед нами след вмешательства.

Хранитель приблизил боковую лампу.

— В заключении указано разрушение связного узла с последующей стабилизацией краёв.

— Края подготовили до удаления. Фоновая жила продолжается под швом; естественный разрыв оборвал бы её вместе с дыханием.

Йорен посмотрел на серебряные линии.

— Где продолжение?

— Нижний край. Основная жила идёт слева направо, возле шва раздваивается. Верхняя ветвь выведена в публичный узел, нижняя проходит под затемнением и возвращается через семнадцать секунд.

Хранитель изменил угол лампы.

Скрытая линия проявилась.

Его лицо сохранило спокойствие, пальцы сильнее сжали рукоять.

— Журнал описывает результат, стекло хранит действие.

За спиной закрылась наружная дверь.

Второй хранитель не мог подняться настолько быстро. Йорен повернулся, ладонь легла на печать у ремня. Через внутреннюю перегородку донёсся голос ночного служителя:

— Поступило изменение допуска.

Чёрная пластина у входа погасла.

Решение об отстранении достигло верхнего архива.

Хранитель посмотрел на оригинал, затем на меня.

— Технический осмотр следует прекратить.

— Признаки вмешательства уже установлены.

— Ваш доступ закрыт.

— Йорен остаётся сопровождающим по делу живого Эха.

Маршал приложил печать к боковой консоли.

— Подтверждаю сохранение доказательства до завершения начатого осмотра.

Механизм принял его знак и оставил раму открытой, хотя моё имя исчезло с внутренней пластины.

— Сколько времени? — спросила я.

— До прямого приказа хранителя или Палаты, — ответил Йорен.

За перегородкой ночной служитель спорил через перего-

ворную трубу. Отдельные слова доходили приглушённо: **карантин, перенос, Сааль.**

Мерет успела послать распоряжение. Её люди ещё не вошли в зал.

Я сняла чёрную ленту с воротника и обернула вокруг правой ладони. Шовный канал требовал серебряной иглы; мой профессиональный знак находился в хранилище, однако аварийный инструмент лежал в основании каждой рамы.

Хранитель открыл футляр и передал иглу рукоятью вперёд.

— Я разрешил технический осмотр до изменения статуса.

— Осмотр уже начался.

— Теперь доступ отсутствует.

Йорен поднял журнал.

— Время начала зафиксировано.

Хранитель закрыл глаза на один вдох и отступил. Закон не предлагал готовой формулы для действия, которое началось разрешённым и стало запрещённым в ходе исполнения. Зазор оставил человеку решение.

Я установила иглу в боковую жилу перед скрытым швом.

— Прочитайте исходное состояние.

Йорен нашёл нужную строку.

— Боль под левым пятым ребром узкая и постоянная. Края серебряного следа сохраняют жар. Намерение получить сведения реакции не вызвало. Предсказание Норы Вей: содержание записи без физического изменения коридора не

повлияет на остаток.

— Время запуска.

Он назвал минуту и секунду.

Я повернула иглу.

Чёрное стекло приняло звук без света.

Сначала пришло дыхание Пела — слабее, чем при полном освобождении, зато свободное от моей собственной боли. Он лежал у дальней стены западной камеры, левая ладонь скользила по полу, правой он тянулся к переговорной трубе. Фоновый привод работал двумя тонами: нижний принадлежал очистительной системе, верхний шёл по старой районной линии и временами пропадал.

Пел ударил по трубе обломком рычага.

Один раз.

Тон ушёл в стену и вернулся через ответный контур.

Внутри трубы открылся служебный канал. Женский голос пришёл с металлическим искажением, дыхательный рисунок сохранился: короткая пауза перед именем и мягкое давление на последнюю согласную.

— Таль, западный сектор пуст. Отойдите от замка. Центральная блокировка действует.

Корин ответил дальше от трубы:

— Был аварийный удар.

— Остаточный сигнал. Камера очищена.

Пел втянул воздух, подтянулся ближе и прижал рот к решётке переговорного отверстия.

— Корин.

Голос вышел слишком слабым. Труба забрала половину звука.

— Я здесь.

Внешний канал щёлкнул. Женщина продолжила, обращаясь к Корину:

— Покиньте сектор и подтвердите закрытие.

Пел снова ударил рычагом. Верхний тон ответной линии дрогнул.

— Западная станция, — выдохнул он. — Передайте в район.

Слова распались на кашле. Правая рука искала опору, тело перемещалось к двери.

— Не закрывайте Тяля. Он не знает, что я здесь.

На этой фразе боль Ады изменилась.

Лезвие под левым ребром отступило на толщину пальца; давление, державшее одну точку, разошлось шире и ослабло. Середина серебряной линии на горле остыла, края сохранили жар.

Йорен увидел движение моей руки.

— Время?

Я назвала секунду, оставаясь внутри канала.

Он записал.

Пел поднял голову. Через стеклянную дверь он видел Корина, который повернулся к трубе после второго удара. Изнутри камеры движение выглядело ответом. Последние сло-

ва Пела уже не прошли в переговорный канал.

— Он слышит.

Скрытый участок закончился.

Публичная запись начиналась с того, как Пел добирался до двери, видел руку Корины у замка и собирал новый вывод из единственного доступного изображения.

Он знает, что я здесь.

Уверенность изменилась за один вдох.

Стекло сохранило обе.

Я повернула иглу обратно, обрывая канал до полного телесного захвата. Пел ушёл из слуха, его слабое дыхание ещё несколько секунд удерживалось в мышцах шеи.

— Запишите состояние.

Йорен стоял рядом с открытым журналом.

— Боль?

— Слабее. Распредилилась по левому подреберью. Центральная часть следа остыла. Изменение началось на фразе: «Он не знает, что я здесь».

— Физические условия Ады сейчас неизвестны.

— Катер и печать остались прежними. Корину не вернули допуск, районная линия сохраняется закрытой.

— Изменилось знание.

— Оно достигло предполагаемого Шарнира и маршала, способного открыть служебный маршрут.

Хранитель смотрел на жилу под швом.

— Получение сведений уже изменило будущий исход?

— След показывает именно это. Моё предсказание оказалось ошибочным.

Произнести последнее было тяжелее, чем выдержать боль. Я привыкла исправлять вывод после нового доказательства; здесь ошибочным оказался сам предел между знанием и действием. Сведения, достигшие человека с возможностью выбора, уже становились частью мира.

Йорен поставил печать под экспериментальной записью.

— Нужен повтор.

— Исходное состояние исчезло вместе с прежним распределением знания.

— Контроль невозможен.

— Контролем остаётся время. След изменился на конкретной фразе, до любого физического действия с нашей стороны.

Хранитель приблизил лампу к стеклу.

— Женский голос пришёл через служебный канал. Источник можно установить?

— По журналу линии и акустической копии.

— Журнал западной камеры входил в дело Корины.

— Версия с приказом о пустом секторе в деле отсутствовала.

Йорен перелистнул запись беседы с Корином.

— Он утверждал, что получил такой приказ.

— Оригинал подтвердил его слова.

Я вернулась к шву. Под боковым светом проявилась ещё

одна особенность: верхняя ветвь фоновой жилы выходила из удалённого участка на долю раньше дыхания Пела. Реставратор использовал тон ответной линии как прикрытие; публичная копия перескакивала через вырезанный фрагмент, сохраняя непрерывную работу механизма.

У нижнего крепления оставался тот короткий обратный ход — лишняя засечка, которую мастер мог убрать одним движением. Я снова отметила её про себя.

— Такой шов делал специалист по голосу, — произнесла я. — Он вручную подвёл дыхание к механическому фону.

— Сколько людей в городе способны на это? — спросил Йорен.

— Несколько. Один из них учил меня находить тихий шов.

— Имя?

Я вспомнила учебный зал, молодого мастера у стекла и его привычку держать иглу между средним пальцем и ладонью, освобождая указательный для проверки вибрации. Лицо возникло сразу. Имя осталось у границы произнесения.

— Сначала откроем закрытую подпись.

За перегородкой ударила печать.

Внутренняя дверь открылась, и в зал вошла Мерет.

С ней пришли второй хранитель и двое служителей в серой форме Палаты. Ардена среди них не было. Мерет остановилась у входа, оценила положение иглы, открытый журнал Йорена и погасшую пластину моего доступа.

— Осмотр завершён.

— Мы прослушали скрытый участок. Оригинал подтверждает, что Корину сообщили о пустой камере. Пел произнёс: «Он не знает, что я здесь».

Лицо Мерет сохранило прежнее выражение. Её дыхание стало мельче на последней фразе.

Содержание было ей известно.

— Шовный канал после приостановления допуска является нарушением.

— Канал подготовлен до поступления изменения.

— Вы продолжили после него.

— Маршал подтвердил сохранение доказательства.

Йорен показал запись времени.

— Статус изменился во время начатого технического осмотра. Я решил завершить участок, связанный с угрозой жизни Ады Моррен.

Мерет перевела на него взгляд.

— Вы вышли за пределы сопровождения, маршал Марр.

— Пределы сформулированы после события.

— Распоряжение поступило до запуска канала.

Ночной хранитель заговорил:

— Распоряжение достигло зала после открытия рамы. В журнале указаны времена.

Мерет посмотрела на него с холодным вниманием.

— Оригинал передаётся в карантин.

— Основание? — спросила я.

— Несанкционированное освобождение и активный живой след у Слушательницы.

— Стекло относится к смерти Пела. Шов существовал до моего входа, фоновая жила показывает преднамеренное удаление.

Хранитель повернул лампу.

Скрытая линия проявилась перед Мерет.

Она подошла к центральному столу.

— Заключение реставратора определило участок повреждённым.

— Заключение ложно.

— Обвинение произносит человек после перегрузки и с закрытым статусом.

— Йорен слышал запись.

Маршал открыл журнал.

— Женский голос сообщает Корину, что сектор пуст. Пел пытается передать сообщение через западную станцию и требует сохранить допуск Таля.

— Точный текст?

Он прочитал.

Руки Мерет оставались свободными, пальцы лежали вдоль боковых швов формы. На среднем пальце правой руки белела тонкая полоска от частого контакта с механическими печатями. Отсутствие серебра на одежде скрывало иной способ носить власть: металл касался кожи и уходил, не оставляя символа для публики.

— Голос в трубе установили?

— Нужны журнал линии и акустическая копия.

— Журнал хранится в Палате.

— Опечатайте его при нас.

— Распорядиться хранением вы больше не вправе.

— Йорен обязан сохранять доказательства по делу живой

Ады Моррен.

Она повернулась к нему.

— Ваше назначение состоит в наблюдении за Норой Вей.

— Наблюдение привело к доказательству возможной судебной ошибки.

— Оценку проводит коллегия.

— Коллегия слышала копию без семнадцати секунд.

Мерет выдержала паузу. В Зале оригиналов молчание сохраняло вес: серебряные жилы вокруг нас удерживали тысячи голосов, способных вернуться через прикосновение.

— Подготовьте официальный протокол, — распорядилась она хранителям. — Оригинал остаётся в раме до прибытия Ардена. Доступ к залу закрывается. Нора Вей и маршал Марр будут ожидать в комнате технического карантина.

— Арден знает, что вы поднялись сюда?

— Получит полный отчёт.

— Это уклонение.

— Вы быстро перенимаете речь Ады Моррен.

— Она полезна в разговоре с Палатой.

Раздражение впервые открылось на лице Мерет и сразу

исчезло.

— Отведите их.

Серые служители подошли к Йорену. Он положил журнал во внутренний карман и закрыл застёжку собственной печатью.

— Журнал остаётся у меня.

— До изготовления копии.

— Копию снимут в моём присутствии.

— Хорошо.

Согласие пришло легко. Мерет предпочитала уступать форму, сохраняя контроль над маршрутом.

Я вынула иглу из стекла и вернула её в архивный футляр. Перед закрытием рамы ещё раз посмотрела на нижнюю жилу, где скрытый участок продолжал существовать под тихим швом. Короткая обратная засечка осталась у крепления.

В комнате технического карантина отсутствовали окна. Две кушетки крепились к стенам, между ними стоял стол с медной поверхностью. Внутренний рычаг двери двигался до половины и упирался во внешнюю блокировку. Одна лампа освещала центр комнаты, углы оставались в тени.

Служители Палаты забрали футляр с копией страницы Ады, записав номер печати Йорена, и оставили воду. Перед выходом один из них поставил на дверь эмблему замкнутого круга.

Когда шаги стихли, Йорен достал журнал.

— Проверим времена.

Мы сверили вход, запрос Палаты и изменение статуса, затем дошли до прослушивания. Между фразой Пела и моей телесной реакцией прошло меньше секунды — столько требовалось мышцам, чтобы освободить место под ребром.

— Предсказание опровергнуто, — произнёс Йорен.

— Да.

— Знание изменило след.

— Оно достигло людей, способных действовать. Передача Ключа уже начала размыкать коридор.

Он посмотрел на ладони.

— Какая из них Рука?

— Та, которая знает, какую дверь следует открыть.

За стеной прошёл удар вечернего колокола. Техническая комната находилась внутри башни, поэтому звук пришёл через металлические крепления кушеток и отозвался в костях. Первый день приближался к концу.

Я попробовала воду. Соль различалась, металл чашки чувствовался языком. Таблетка рядом с журналом оставалась без вкуса.

Три остатка продолжали жить в теле. Справа мальчик держал лестницу, рядом Пел тянулся к трубе. Ада занимала левое подреберье, теперь слабее, поскольку два человека получили вырезанный Ключ. Гортань сохраняла след её голоса, и каждый глубокий вдох возвращал будущую просьбу о прощении.

Йорен разломил таблетку пополам и положил свою часть

на язык.

— Сладкая.

— Я знаю, какой она должна быть.

— Вара предупреждала?

— Вкус вернётся, если я не приму новую запись.

— На сегодня хватит.

Я закрыла глаза, позволяя телу отделить каждую смерть по стороне и времени. Считать дыхание не требовалось; границы сохранялись, хотя усталость делала их тоньше.

— Корин невиновен в убийстве Пела? — спросил Йорен.

— Семнадцать секунд разрушили основание приговора. Для полного вывода нужны журналы и проверка голоса в трубе.

— Вы оставляете возможность обвинения.

— Оставляю место фактам.

— Раньше места было меньше.

Я открыла глаза.

— Раньше мне давали копию и называли её целым.

Он провёл пальцем по закрытому журналу.

— Голос женщины узнали?

— Ритм знаком.

— Мерет?

— Труба меняет высоту и согласные. Нужна запись её голоса через тот же канал.

— Она не согласится.

— Тогда найдём распоряжение.

Внешняя печать на двери щёлкнула.

Мы поднялись.

В комнату вошёл Арден.

Он был без светлого пальто; тёмный судебный жакет делал его старше, на манжете оставалась серебряная пыль от поспешно снятой печати. Закрыв дверь, он несколько секунд изучал линию на моём горле, проверяя её рисунок.

— Ты слышала участок.

— Да.

— Мерет сообщила о нарушении доступа.

— Содержание она сообщила?

Арден задержал дыхание.

— Частично.

— Пел слышал приказ Корину отойти от сектора. Женщина сообщила, что камера пуста. Он пытался передать через западную станцию: «Не закрывайте Таля. Он не знает, что я здесь».

Его лицо не изменилось, однако большой палец вдавил серебряную пыль в ткань манжеты.

— Кто ещё слышал?

— Йорен и ночной хранитель.

— Запись?

— В журнале маршала. Оригинал остаётся в раме.

— Хорошо.

Слово вышло слишком быстро.

— Почему?

— Оригинал сохранён, свидетельства позволяют начать пересмотр.

— Мерет затребовала стекло до нашего входа.

— Она запустила карантинную процедуру после появления живого Эха.

— Её голос мог находиться в служебном канале.

Арден посмотрел на Йорена.

— Установили?

— Требуется акустическая проверка.

— Проведём утром.

— Журнал линии за ночь останется в Палате, — напомнила я.

— Я уже опечатал его собственной печатью.

Ответ снял одно напряжение и создал другое. Арден узнал достаточно рано, чтобы добраться до журнала прежде нашего выхода из архива.

— Когда Мерет сообщила о входе?

— Сразу после срабатывания верхней пластины.

— Почему ты нас не остановил?

Он подошёл к столу, взял чашку и поставил обратно.

— Я хотел узнать, что ты услышишь до её вмешательства.

Йорен медленно закрыл журнал.

— Вы позволили нарушению произойти.

— Я позволил двум действующим допускам завершить проверку в зазоре процедуры.

Арден управлял скоростью приказов так же уверенно, как

Мерет управляла дверями. Моя подпись сохранилась в верхнем архиве по его решению: он мог ускорить передачу статуса и выбрал задержку.

— Ты знал о семнадцати секундах?

— Знал о спорном участке. Содержание слышу от тебя впервые.

— Кто одобрил публичный узел?

— Комиссия реставраторов и медицинский эксперт.

— Имя реставратора закрыто.

— Утром открою.

— Сейчас.

— Нора, за один день через тебя прошли две смерти, тело удерживает ещё одну запись. Вкус уже снижен. Ночь проведёшь под наблюдением Вары.

— За несколько часов имя может исчезнуть из высшего журнала.

— Оригинал защищён моей печатью.

— Подпись хранится отдельно.

Арден смотрел долго. Его забота и контроль всегда использовали один голос; раньше я слышала в нём только заботу.

— Имя открою сейчас, — уступил он. — После этого ты вернёшься в медицинское крыло и не войдёшь ни в одно Эхо без разрешения Вары.

— Согласна.

Йорен поднялся.

— Я присутствую.

— Разумеется.

Арден снял внешнюю блокировку с двери. Эмблема Палаты осталась на пластине, поверх неё легла его печать: пересекающиеся линии внутри круга, который замыкался при полном обороте ключа. Личный знак Ардена соединял рисунок Пела и форму Мерет, занимая место между открытым и закрытым.

Мы вернулись в Зал оригиналов.

Мерет стояла у центрального стола. Увидев Ардена, она поняла решение и отошла от боковой карточки Пела. Ночной хранитель открыл высший журнал, где закрытые подписи лежали под защитным слоем серебра.

Арден приложил печать.

Слой потемнел и стал прозрачным.

Напротив строки **«реставрация публичного узла»** появилось имя человека, которого я осудила восемь лет назад за вмешательство в Эхо.

ИЛАР РОАН.

После приговора он провёл два года в Камерах Тишины. Последние шесть лет работал в закрытой мастерской Судебного дворца, куда его перевели без публичного решения и права подписывать оригиналы собственным именем.

Шов сделали через два дня после смерти Пела.

Я прочитала следующую строку:

Основание допуска: распоряжение службы непре-

рывности.

Под ней стояла эмблема Мерет — две параллельные линии внутри замкнутого круга.

Глава 7. Сердце колоколов

Имя Илара оставалось под серебряным слоем, пока всё остальное в Зале оригиналов продолжало двигаться по установленному порядку: ночной хранитель заполнял строку вскрытия, второй служитель сверял номер рамы с высшим журналом; Мерет ждала у центрального стола, Арден удерживал печать над защитной пластиной, сохраняя прозрачность записи.

ИЛАР РОАН.

Восемь лет назад я произнесла перед коллегией техническое заключение, после которого его признали виновным во вмешательстве в Эхо Тэрена Восса. Илар удалил второе имя из связного узла, оставив в записи одного человека; Тэрена казнили, а имя, спасённое швом, осталось неизвестным публике. На процессе Илар подтвердил правку и отказался объяснять мотив. Я истолковала молчание как попытку сохранить последнюю власть над доказательством.

Два года он провёл в Камерах Тишины. Перевод в закрытую мастерскую состоялся без открытого слушания, и шесть следующих лет Суд пользовался руками человека, осуждённого за то, что эти руки однажды сделали без разрешения.

Теперь его подпись стояла под вырезанными секундами Пела.

— Кто отдал приказ?

Мерет указала на строку под именем.

— Служба непрерывности.

— У службы нет руки, способной поставить подпись.

— На допуске стоит её эмблема.

— Решение принимал человек.

Она выдержала мой взгляд.

— Привлечение реставратора утвердила я.

— Вы передали ему оригинал?

— Оригиналы остаются у хранителей. Илар работал в закрытой раме под наблюдением.

— Как сформулировали задание?

— Стабилизировать повреждённый участок и определить допустимый узел.

— Он сообщил о женском голосе в служебной трубе?

— В заключении указано разрушение связности.

— Связную речь удалил инструмент. Повреждение появилось в результате работы.

Мерет провела пальцем по краю карточки.

— Вы уже построили обвинение.

— Я описываю действие.

— После закрытого доступа и трёх остатков в теле.

Арден снял печать с высшего журнала. Серебряный слой начал темнеть, буквы уходили под защиту сверху вниз. Сначала исчезла фамилия; через несколько секунд осталось одно имя, затем стекло закрыло и его.

— Илар даст объяснение, — произнёс Арден.

— Сейчас.

— Мастерская находится в западном крыле. Его режим запрещает ночные перемещения без двух сопровождающих.

— Йорен уже здесь.

— Второго назначает служба непрерывности, — вмешалась Мерет. — После нарушения верхнего архива оснований для срочного контакта нет.

Я посмотрела на тихий шов. У нижнего крепления серебряная жила делала короткий обратный ход, который хороший реставратор убрал бы одним движением. Илар учил меня экономить след: каждая лишняя линия выдаёт намерение мастера, а тщеславие в стекле переживает автора.

В его работе осталась лишняя линия.

— Он оставил засечку.

Арден подошёл к раме.

— Где?

Я указала на обратный ход у крепления.

— Соединение завершено выше. Эта жила возвращается к началу на толщину иглы. Илар всегда убирал такие движения.

Мерет наклонилась к стеклу.

— Вы считаете это подписью?

— Пока — нарушением его собственной техники.

— После восьми лет вы уверены в движении руки?

— Именно по этой руке я дала заключение на процессе.

Ответ заставил Ардена посмотреть внимательнее. Раньше

подобная уверенность завершала спор. Сейчас она открывала следующий.

— До утра Илар останется в мастерской, — решил он. — Доступ получишь после медицинского осмотра и акустической проверки служебного голоса.

— Мерет будет присутствовать?

— Нет.

Она повернула голову.

Арден продолжил:

— Первый разговор пройдёт между Норой и Иларом. Йорен останется за дверью, запись сохранит закрытой до моего распоряжения.

— Заключённый Палаты входит в мою ответственность, — напомнила Мерет.

— Дело Пела перешло под мой прямой надзор.

— С какого момента?

— С минуты, когда скрытый участок изменил активный след Ады Моррен.

Мерет возражать не стала, хотя белая полоска на среднем пальце сделалась заметнее: она прижала его к боковому шву формы и удерживала там, пока Арден говорил.

Внутренняя дверь открылась. Служитель передал ночью хранителю сложенный лист с красным краем. Тот прочитал, взглянул на Мерет и отдал записку Ардену.

На бумаге стояла эмблема Дома защищённых свидетелей.

Арден прочёл:

— Под дверью Ады Моррен найден лист с номером её комнаты и временем вечерней смены. Способ доставки устанавливается. Внутренняя печать не нарушена.

— Печатники? — спросил Йорен.

— Бумага судебная, — отозвался хранитель, увидев оборот. — Красный край используют в служебных маршрутах. Мерет протянула руку.

Арден оставил лист у себя.

— Кто знал номер комнаты?

— Распорядители жилого крыла и медицинская служба. После перевода сведения получили охрана причала и Палата.

— Достаточно людей, чтобы защита перестала быть тайной, — произнесла я.

— Маршрут меняется.

Боль под левым ребром собралась в точку раньше, чем Мерет назвала место. Решение уже существовало у неё, а сведения достигли людей, способных его исполнить.

Йорен вынул журнал.

— Время?

— Сейчас. Боль сильнее прежнего.

Он посмотрел на хронометр.

— Двадцать один ноль семь.

— Запишите: Мерет получила записку и объявила смену маршрута до указания места.

Мерет наблюдала за моей рукой, прижатой к боку.

— След отреагировал на принятое решение?

— Решение уже передано людям, которые способны провести перевод.

Арден сложил записку.

— Куда вы собирались переместить Аду?

Мерет подошла к центральному столу и развернула карту Венца, хранившуюся под стеклянной крышкой. Её палец прошёл от восточного канала к Медному Берегу и остановился над тяжёлым знаком в центре промышленного острова.

— В Сердце колоколов.

Белый свет поднялся перед глазами из памяти Эха. Решётчатый медный настил дрогнул под ступнями, ремень вошёл в таз, семь ударов сжали грудную клетку, рукоять короткого ножа упёрлась в основание большого пальца.

— Нет.

Одно слово вышло голосом Ады, выше моего обычного регистра.

Вара отсутствовала, но Арден услышал чужую высоту и сразу подошёл ближе.

— Что узнала?

— Место.

Я коснулась края карты, где Сердце колоколов обозначали семь расходящихся линий.

— Под ногами в Эхо находился медный настил. Белый свет шёл снизу, вокруг работал большой привод. Я слышала

семь тяжёлых ударов.

Мерет не убрала палец.

— Во время подготовки к Седьмому колоколу проводится ночная калибровка.

— На Аде был страховочный пояс.

— На переходах над приводом используют ремни.

— Вы собираетесь поместить её внутрь сцены смерти.

— Сердце — самый защищённый промышленный объект Лиора. Допуск Корина закрыт, служебный состав проверен. Палата пользуется отдельным каналом.

— Страница Пела называет Седьмой колокол закрытием. Теперь Суд ведёт Аду к механизму из её Эха.

— Дом свидетелей скомпрометирован.

— Выберите другое место.

— Второго объекта с автономным воздухом и внутренней охраной нет.

Арден посмотрел на карту. Большой палец лёг рядом с Медным Берегом, не касаясь знака Сердца.

— Перевод уже начат?

— Катер ждёт у причала. Аду подготовили к выходу.

Боль под ребром стала глубже.

Йорен записал время без напоминания.

— Двадцать один ноль девять. Подтверждена готовность катера.

Я посмотрела на Мерет.

— Когда Аду переодели для дороги?

— После вечернего медицинского осмотра.

— Время.

Ответила Вара, вошедшая в зал вслед за служителем:

— Дорожное платье принесли в двадцать часов пятьдесят две минуты. Распорядитель сослался на подготовку резервного маршрута.

Йорен внёс третью отметку.

Резервный маршрут готовили за пятнадцать минут до записки, которая должна была объяснить перевод.

Мерет сложила карту.

— После появления живого Эха запасное помещение готовят заранее.

— Тогда записка дала вам основание использовать уже выбранное место, — произнесла я.

— Она подтвердила необходимость.

— Автор листа знал, какое решение вы готовы принять.

— Это установит следствие.

— При условии, что лист не исчезнет в приложении.

Арден передал записку Йорену.

— Оригинал остаётся в его журнале до изготовления копий.

Мерет посмотрела на лист в руках маршала, однако спорить не стала.

— Перевод состоится, — решил Арден. — Нора поедет с Адой. Йорен продолжит сопровождение, Вара проведёт осмотр на месте. Любой предмет, совпадающий с орудием из

Эха, удалят до входа.

— Вы используете активный след как поисковый прибор,
— произнесла Мерет.

— Он уже даёт измеримые реакции.

— Нора считается источником угрозы.

— Поэтому её присутствие позволит фиксировать изменение коридора.

Арден говорил о моём теле как об инструменте, и часть меня принимала эту логику с профессиональным облегчением. Другая слышала, как забота сменила форму: Ада становилась будущей жертвой внутри опыта, я — прибором рядом с ней.

— Я соглашусь при четырёх условиях. Маршрут и состав охраны войдут в открытый журнал. Ада сможет отказаться после осмотра. Все ножи и режущие инструменты вынесут. Если след реагирует на западную линию, Корину срочно восстановят мастерский допуск.

Мерет усмехнулась одними губами.

— Последнее условие выходит за пределы перевода.

— Смерть Ады уже соединила эти пределы.

Арден посмотрел на Йорена.

— Запишите условия.

Он принял их без торга. Такая готовность могла означать доверие к моему выводу или уверенность, что процедура обойдёт формулировку.

Мерет забрала карту.

— Катер отправится через десять минут.

— Илар?

— Утром, — ответил Арден. — После осмотра останешься в медицинской комнате Сердца до рассвета.

Имя снова стало отсроченной дверью.

Мы покинули верхний архив через служебную лестницу. Доступ на пластине погас окончательно; рядом с моим именем появилась новая строка, которую я успела прочесть до закрытия:

ПОДПИСЬ СОХРАНЕНА В ИСТОРИИ ВХОДА.

Система убрала право и оставила след действия.

На нижнем причале Вара встретила меня с раскрытым футляром. За её спиной стояли два катера: первый принадлежал Палате, второй — судебной медицинской службе. Между ними Аду держали под белым навесом, скрывая от окон Венца. Она успела переодеться в тёмное дорожное платье, красная нить сохранилась на манжете; траурный колокольчик служители сняли и положили в прозрачную коробку.

— Верните ей колокольчик.

— Металл подлежит проверке, — ответила Мерет.

Ада посмотрела на коробку.

— Он без языка.

— В шнуре может находиться проволока.

— Разрежьте при мне.

Служитель вынул нож.

Боль под моим ребром вспыхнула.

— Уберите лезвие.

Йорен перехватил запястье служителя. Нож остановился над тонким шнуром.

— Время, — произнёс он.

— Двадцать один двадцать четыре, — ответила Вара, уже державшая хронометр.

— Реакция на короткий нож рядом с Адой. Рукоять и длинна близки к орудию из Эха.

Мерет забрала инструмент у служителя и передала Йорену.

— Шнур проверят целым.

Вара провела по нему магнитной пластиной. Внутри находилась тонкая медная цепочка, слишком мягкая для оружия. Колокольчик вернули Аде.

Когда она надела его, плечи опустились на несколько миллиметров. Я заметила движение раньше лица.

— Куда нас везут? — спросила она.

— В Сердце колоколов.

Её рука сразу легла под левое ребро.

— Я уже была там.

— В Эхо.

— Для тела разница невелика.

— Вы можете осмотреть место и отказаться.

Ада посмотрела на Мерет.

— Куда меня переведут после отказа?

— Временное помещение определит служба.

— Название?

— Решение примут после осмотра.

— Выбор состоит из известной камеры смерти и комнаты без названия.

— Дом свидетелей скомпрометирован, — произнёс Арден, спускаясь к причалу. — В Сердце будет Нора. След позволит фиксировать опасные изменения.

Ада повернулась ко мне.

— Теперь вы моя защита или прибор?

— Сегодня эти роли используют одно тело.

— Осторожнее. Ваш Суд любит половины старых правил.

Вара провела ладонью вдоль моей шеи, проверяя температуру следа, затем дала соль и жжёный сахар. Соль проявилась сразу, горечь пришла слабым краем. Сладость отсутствовала.

— Голос.

Я произнесла полную формулу имени. Гортань выдержала, хотя на имени Элары возникла шероховатость.

— До рассвета никаких освобождений, — распорядилась Вара. — При изменении боли фиксируем время и действие. При потере голоса перевод прекращается.

— Кто имеет право прекратить? — спросила Ада.

— Я.

— Мерет может отменить?

Вара закрыла футляр.

— Медицинский запрет снимаю только я.

Мерет оставила ответ без комментария.

Нас разместили в медицинском катере. Ада вошла вместе с Варой, я поднялась следом; Йорен занял место у двери, Арден остался на причале. Мерет отправилась впереди, в белом катере с охраной Сердца.

Перед закрытием навеса Арден подошёл к борту.

— Нора.

Я ждала.

— Илар останется в мастерской до твоего возвращения.

Приказ о перемещении блокирован моей печатью.

— Мерет способна изменить режим.

— Потребуются две подписи.

— Вторая?

— Моя.

Он произнёс это как гарантию. Та же фраза напомнила, что одну подпись он много лет делил с Палатой.

Катер отошёл от Венца.

Ночной Лиор лежал низко над лагуной. На Высоких Часах светились верхние циферблаты, нижние улицы скрывались за арками. Канатные Дворы протянули над водой праздничные шнуры, которые при дневном свете казались белыми, теперь темнели на фоне облаков. У Чернильного Ряда работали печатни: широкие окна вспыхивали при каждом подъёме пресса, лодки разносчиков отходили от причалов с пачками под просмолённой тканью.

Листки с моим лицом уже достигли Медного Берега.

На стене у входа в промышленный канал висел новый заголовок:

СУД ПЕРЕВОДИТ ЖЕРТВУ В МЕСТО ЕЁ СМЕРТИ.

Ада прочитала через щель навеса.

— Быстро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.